

ЛАРИСА РАЙТ

Жила-была
одна
семья

Лариса Райт

Жила-была одна семья

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3001065*

Жила-была одна семья: Эксмо; М.; 2012

ISBN 978-5-699-55119-4

Аннотация

Жила-была одна большая, дружная семья: мать, отец, две дочери и сын. Они нежно и трепетно любили друг друга, но – увы! – в жизни редко все бывает гладко и легко.

Испытание, которое выпало этой семье, оказалось не из легких: судьба, кажется, решила проверить, сколь велика их любовь.

Сколько же пройдет времени, прежде чем они поймут, что не бывает только черного, только белого, только зла и только добра.

Содержание

Пролог	4
1	8
2	11
3	14
4	26
5	29
6	30
7	42
8	50
9	67
10	92
11	93
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Лариса Райт

Жила-была одна семья

Молчи, скрывайся и таи

И чувства, и мечты свои...

Ф.И. Тютчев

Пролог

Человек бежал по бульвару под проливным дождем, не замечая ни луж, ни ручьев воды, стекающих с плаща, волос и бороды, ни редких прохожих, провожающих его сочувственными взглядами. «Неужели у бедолаги не нашлось нескольких секунд и пары долларов, чтобы притормозить у любого киоска и купить простенький зонтик?» – казалось, спрашивали они. Человеку не было никакого дела до мыслей тех, кто оказался в этот час неистового разгула стихии на улицах Монреаля. Он очень спешил. Звонок застал его в музее. Телефон вибрировал в кармане, и он, покосившись на служителя, дремавшего на своем стульчике, взглянул на номер, обрадовался, быстро и тихо ответил. То, что она сказала, заставило его, забыв о приличиях, громко вскрикнуть и медленно осесть на круглую скамью для посетителей. Должно быть, у него был такой вид, что работник музея лишь приоткрыл один глаз, скользнул по посетителю взглядом и снова

провалился в сон. Мудрое решение. Даже если бы сейчас к Человеку бросились служители всех двадцати пяти залов с криками: «Сэр, немедленно отключите телефон», он бы попросту ничего не услышал. Он воспринимал только те слова, что произносил в его ухо глухой, потухший голос в телефонной трубке. А она все говорила и говорила, кажется, плакала, и он уже тоже плакал вместе с ней. Потом она сказала:

– Я отправила тебе письмо. Там подробности, адрес и все такое.

Она отсоединилась, а он так и сидел на своей скамье еще какое-то время, пытаясь выстроить из того, что на него обрушилось, какое-нибудь, пусть даже жалкое и никуда не годное, подобие плана дальнейших действий. «Письмо! – наконец промелькнуло в сознании. – Надо прочесть письмо! Прочитать как можно скорее! Там ведь «подробности, адрес и все такое». Он зачем-то снова выудил телефон из кармана и беспомощно посмотрел на него. «Free WiFi», – гостеприимно сообщали таблички в каждом зале музея, и эти сообщения заставили посетителя так громко чертыхнуться, что служитель уже не только открыл глаза, но и, беспокоясь за-ерзав на стуле, тихо, предупреждая покашлял. А как не обругать себя, если весь мир давно выходит в Интернет со своих трубок, а он все упирается и кричит на каждом углу, что погоду можно узнать из информационных выпусков, а адрес в справочнике. «А справочник в телефонной будке, а телефонная будка на каждом углу». Дома надо обязательно

попросить сына объяснить ему, как пользоваться всеми этими новомодными штучками вроде блютуса, навигатора и того же вай-фая. Но когда он еще вернется, а Интернет был необходим срочно, немедленно. И тогда Человек вскочил со скамейки, подлетел к служителю и рывкнул:

– Ближайшее интернет-кафе!

– Простите, сэр?

– Кафе! Компьютеры! Связь! Почта! Я должен проверить почту!

– Минут двадцать отсюда, сэр. И сейчас будет дождь.

– Адрес!

– Где-то на Иллинойс-роуд.

И Человек побежал, уловив напоследок что-то про красную дверь и синюю вывеску. И несясь по улицам города, не замечая града льющейся на него холодной дождевой воды, спотыкался, проваливался в лужи, но лишь прибавлял скорость, будто боялся упустить бесконечно прыгающие и повторяющиеся в голове слова: «Иллинойс-роуд, синяя вывеска, красная дверь».

За красной дверью он нашел, что искал. Дрожащими пальцами оплатил полчаса, запустил процессор, застучал по клавишам, притянул к экрану, нервно сцепив руки. «Счета, счета, выписка по карте, приглашение посетить премьеру, еще приглашение на какую-то дегустацию, снова счета... А, вот и оно». Он быстро пробежал глазами текст, еще раз перечитал последние предложения и словно услышал, как она произ-

носит глухим, потухшим и ставшим совершенно чужим голосом:

– Послезавтра в одиннадцать утра. Богородское кладбище.

Он выключил компьютер, вышел, шатаясь, из-под синей вывески, поймал, махнув рукой, такси и поехал в аэропорт.

1

Она была неказистой. Именно так. Было бы неправильно назвать ее безобразной, невзрачной или попросту некрасивой. Все-таки овал лица казался достаточно аккуратным, зеленые глаза притягивали взгляды, а улыбку, пусть слегка кривоватую и не слишком веселую, невозможно было обвинить в неискренности. Но была во всем ее облике какая-то чрезмерность, и это порождало ощущение общей дисгармонии, придавало силуэту отталкивающие черты и лишало фигуру равновесия. Руки были слишком худыми и длинными, а клетчатая юбка, плотно посаженная на несколько сантиметров ниже талии, зрительно делала и без того короткие ноги еще короче.

Несмотря на наличие этой самой юбки, плетеных браслетов-фенечек на узких кистях и смешных бантиков в спутанных волосах, в ее истинной принадлежности к женскому полу вполне можно было бы усомниться. Блеклая маечка цвета недожаренного кешью выглядела бы чуть ярче, имей она более глубокое декольте, но приоткрывать тайну имело смысл лишь в случае существования хотя бы малейшего намека на то, что под вырезом скрывается нечто привлекательное. Соломенные волосы средней длины торчали в разные стороны и могли принадлежать кому угодно: мальчишке-рокеру, вольному художнику, давно не стриженному, девоч-

ке-подростку, которой еще неведомы понятия моды и стиля, только что вышедшей из парикмахерской дамочке, гордо несущей на голове укладку под названием «треш», или заму-ченной бытом женщине, едва находящей время между стиркой, готовкой, уборкой для того, чтобы кое-как пригладить непослушные лохмы, прицепив к ним несколько безвкусных заколок. Но больше всего этой прической, вернее ее отсутствием, она напоминала Анни Жирардо в фильме «Каждому свой ад». Была в этих бесформенных прядях какая-то трагичность и безысходность, вызывающая чувство щемящей жалости.

Пожалеть хотелось не только эти дурацкие волосы, тонкие руки и толстые ноги, но и опущенные плечи, и тонкую полосу живота, выглядывающую из-под топа в том месте, где у людей обычно бывает пупок.

Ах, да! Пупок... Ну конечно. Его отсутствие непременно вызовет недоверие, снова посыпятся обвинения в фальши и оторванности от реального мира. Что ж, всегда можно сослаться на авторский замысел, но почему бы заранее не обезоружить всезнающих критиков? Ведь нет ничего проще: пара взмахов ножниц, несколько стежков, и вот уже между юбкой и майкой беззащитно блестит прилепленной стразой, призванной заменить привычный пирсинг, вполне симпатичный пупок. Возможно, слишком глубокий или, наоборот, недостаточно большой, но все же достаточно явный для того, чтобы не спутать его ни с чем другим. А впрочем, от

стразы лучше отколоть половину, чтобы эта часть фигуры не выбивалась из общего образа.

Да, определение «неказистая» совершенно точно подходило новенькой больше других. Пусть так. Неказистая. Зато не банальная. Банальностей Саша не терпела. В них отсутствовала яркость, индивидуальность, в них не было личности, не прослеживался характер, не играло настроение. А вот с настроением надо что-то сделать непременно: улыбка хоть и присутствует, а пуговики глаз грустят, на голове бантики, а плечи опущены. Она опустила нити рта, оглядела получившуюся скорбную гримасу, превратила банты в распущенные, мятые ленты и удовлетворенно вздохнула: «Надо будет придумать ей имя. А пока... Пока привычное, но совершенно неизбитое...» Посадила свое творение на полку, постояла, покачалась с носка на пятку, все еще размышляя об имени, но потом, приказав себе не тратить силы понапрасну (имя, как обычно, проявится само, проникнет сквозь тряпки, пропитается красками), тряхнула длинными стрелами темных волос и произнесла нараспев:

– Здравствуй, куколка!

– Эй, куколка, посмотри, что я тебе привез!

Пятилетняя Саша буквально нырнула в чемодан, мешая отцу выловить наконец драгоценный сверток. Обиды мгновенно забыты, ничто теперь не имеет значения. Ни напускная важность, с которой старшая сестра разложила на секретере замысловатые шариковые ручки, внутри которых из стороны в сторону путешествовала мимо Дворца дождей гондола с гондольером в шляпе. Ни надрывный плач младшего брата, у которого Саша попыталась забрать чудную машинку, на которой было написано какое-то непонятное слово «Polizia». Ни появившиеся в голосе мамы сердитые нотки, ни твердость ее рук, пытающихся выудить девочку из чемодана. Только веселый окрик отца: «Да подожди, торопыга, разобьешь ведь!» – заставил ее притормозить, замереть в нетерпеливом ожидании, глядя, как он аккуратно разворачивает бумагу.

Саша сделала шаг вперед, наклонилась над папиными руками, осторожно потрогала пальчиком какой-то непонятный предмет. «Твердо».

– Керамика. Очень хрупкая. Настоящая ручная работа, – не без хвастовства сказал папа.

Саша растерянно обернулась к маме и заметила, что та определенно понимала, о чем говорил отец. Девочка снова

поглядела на то, что папа назвал керамикой. Ничего особенного: намек на нос и губы, прорези для глаз, россыпь черно-золотых блесток у висков на лбу, и все такое маленькое — на себя не примерить. И что с этим делать?

— Что это?

— Это венецианская маска, Сашенька, — мама забрала у папы сверток, покрутила несколько секунд перед глазами, покачала головой. — Настоящее произведение искусства.

— А...

— Тебе не нравится? — Папа уже расстроился.

— Нравится! — тут же соврала Саша, потупилась, поколебалась, но потом не удержалась все же: — Только можно мне ручки, а маску Ире?

— Глупышка! — почему-то засмеялась мама. — Ты только посмотри повнимательнее. Эта маска будто сделана с тебя. Неужели не видишь? Она же твоя копия!

Саша еще раз посмотрела на мертвенно-бледные, твердые очертания и не нашла ничего похожего на то, что привыкла обычно видеть в зеркале: ни румяных щек, ни живых глаз, ни копны тяжелых волос. Да и блестки, которые лежали в наборе детской косметики и которыми мама иногда скрепя сердце все же разрешала пользоваться, были сиреневыми и высыпались обычно на нос.

— Я... я правда на *это* похожа? — Голос начал предательски дрожать.

— А что ты расстраиваешься, Сашенька? Маска очень кра-

сивая и...

– Ручки в сто раз красивее! – перебила девочка и бросилась в ванную горевать от несправедливости жизни.

Через два часа она уже мирно засыпала в постели. Она была счастлива: под подушкой лежала подаренная сестрой ручка, брат позволил вдоволь наиграться с машинкой, а злополучная маска заняла почетное место на стене. Девочка уже почти провалилась в сон, но все же успела уловить, как мама на кухне сказала:

– Сегодня ты опростоволосился перед своей любимицей.

– Да уж, – согласился папа, а мама засмеялась. Но этого Саша уже не услышала. Да и зачем ей было это слышать? В этом не было ничего удивительного. В то время мама часто смеялась, а папа... папа любил Сашу и называл ее куколкой.

Ира заглянула в мастерскую:

– Ничего, если мы поедем? Я все убрала, посуду помыла.

– Конечно, езжайте. Спасибо.

Саше было неловко. Она совершенно отстранилась от происходящего за стеной. Так было всегда, когда она начинала работать. Погружаться в свой мир ей, как правило, ничто не мешало. Даже сегодня, как только стало невыносимо слушать скорбные речи и ежесекундно наткаться на сочувственные взгляды, она просто встала и ушла. Закрыла за собой дверь, прислонилась к косяку, хотела опуститься на пол и тихонько поплакать в одиночестве, но не получилось. Взгляд зацепился за разложенные на столе материалы, и боль чуть отступила, растворилась в клее, нитках, красках, осела на уголках опущенного рта новой куклы.

Ее мучили угрызения совести. Пока она вот так помогала себе справиться с горем, сестра приняла основной удар на себя: расшаркивалась, благодарила, кому-то утирала слезы, кому-то позволяла утирать свои, а потом еще и привела Сашину квартиру в первоначальный вид. Как будто не было здесь всего этого нашествия близких, далеких и даже совершенно чужих людей, вроде той группы из пятнадцати человек в косухах, что держались слишком вызывающе и пытались всем продемонстрировать, что только их утрата явля-

ется по-настоящему невозполнимой. Впрочем, юнцы-максималисты ее не беспокоили, гораздо больше волновала сестра. А ее ведь дети дома ждут, и она давно уже могла бы воспользоваться этим обстоятельством и уйти. В этом вся Ира: своих забот по горло, а она себе еще и чужих нахватает. Сашина ведь квартира, она и убрала бы. Ее-то никто не ждет, курам компания не нужна.

– Сейчас смастерила? – Ира подошла к полке, посмотрела на пахнущую едкой краской куклу.

– Да. Я, понимаешь... – Саша хотела объяснить, почему ушла, как на автомате, начала работать, и не заметила, что все разошлись, но Ира лишь махнула рукой, села на старый диванчик:

– Зря мы все это затеяли, тебе не кажется?

– Наверное...

– Точно. Они тут смотрелись нелепо. В его гараже было бы как-то органичнее.

– Под голос Цоя и бутылку по кругу.

– Почему бы и нет?

– Там глупо выглядела бы тетя Валя. – Саша спохватилась.

Шутить в такой ситуации не полагалось, но Ира улыбнулась:

– Да уж, представить ее пьющей водку из горла...

– Да просто пьющей, – откликнулась Саша.

Помолчали.

– Надо было Лялю позвать.

– А я звала.

– И что? – Ира подалась вперед. – Не пришла?

– Как видишь.

– Нехорошо как-то. Бесчеловечно. Конечно, они разошлись, но ведь есть же Анечка...

– Забудь об Анечке! Будет у Анечки новый папочка.

– Зачем ты так?

– Это не я. Это она, Ляля.

– И почему ему так не везло?

– А мне почему не везет?

– А мне?

– Тебе? – Саша недоуменно оглянулась. – У тебя же Миша.

– Миша. Миша, – Ира пожевала имя мужа и словно выплюнула из себя следующую фразу: – Он там ждет на кухне. Надо ехать.

Они уехали. Саша бесцельно побродила по квартире, третий раз за день полила цветы, не глядя, поиграла с фотографиями на комод. А зачем на них смотреть? Она и так прекрасно помнила, кто запечатлен на снимках. В маленькой овальной позолоченной рамочке – она первоклассница: волосы туго стянуты в две косички, но одна непослушная прядь все же выбилась, и она сдувает ее со лба, смешно выпятив нижнюю губу. В прямоугольной деревянной – мама с тетей Вале. Мама справа, а тетя слева. Если не знать, так и отличить невозможно: близнецы на то и близнецы, чтобы вводить окружающих в заблуждение. Впрочем, уже давно те-

тя Валя никого не может запутать, но до сих пор при ее появлении Саше кажется, что через секунду откуда-нибудь обязательно появится мама и скажет, подмигнув:

– Ну, и кто из нас кто?

Саша провела пальцами по гладкому дереву. Мама справа, тетя слева. Тетя на земле, мама где-то в другом месте. Где-то там теперь и Вовка. Она не смотрела. Просто подержала в руках холодную рамку. Она знала: там за стеклом на снимке улыбается брат. За спиной гитара, здание МГУ и весеннее солнце, с одной стороны веселая тюльпановая клумба, с другой – неровные края оборванной фотографии. Это она сама отделила от брата Лялю. Не сразу, конечно. Сначала они вдвоем улыбались ей с комода. И потом, когда Ляля внезапно ушла от брата, заявив, что не намерена тратить лучшие годы жизни на бездарность, а намерена потратить это время на поиски более достойного отца для их дочери, именно тогда Саша и поняла, почему Лялина улыбка на фотографии все время казалась ей издевательской. Если бы можно было так же легко, одним махом, как на снимке, избавить Вовку не только от самой Ляли, но и от мыслей о ней, возможно, на комодке рядом с фотографиями сейчас не валялись бы ключи от его квартиры, от гаража, выполнявшего функции музыкальной студии, и уютного кафе для своих (наверное, тех, что явились сегодня в косухах), и места редкого отдыха для всегда чистой, отполированной воском «Ямахи», которая теперь валяется на какой-нибудь свалке и ничем не

отличается от других таких же искореженных дорогой железяк.

Саша задумчиво повертела в руке ключ от гаража. Да, Ира права. Наверное, Вовкиному окружению было бы и понятнее, и приятнее прийти в последний раз в его холостяцкую берлогу, а не в чужой дом. Пускай это квартира его родной сестры, пускай такая же холостяцкая, но берлогой ее никак не назовешь. Здесь надо было разуваться, говорить шепотом, а не горланить, из динамиков тихо звучал Шопен, а не гремел рок, и пахло тут краской, лаком и растворителем, но все же не бензином и уж точно не португальским портвейном.

– Будешь? – этим вопросом Вовка встречал любого, переступающего порог гаража, и всякий, даже новичок, сразу понимал, о чем его спрашивают. Интересно, что ответ ничего не решал. Брат никогда не настаивал и никого не уговаривал употреблять горячительное, но спрашивал всех и всегда, будь перед ним язвенник, пятилетний ребенок, приехавший на машине приятель или родная сестра, которая, о чем он был прекрасно осведомлен, никогда не пила ничего крепче кваса. Саша не раз напоминала ему о том, что у нее аллергия на алкоголь, но в ответ неизменно слышала:

– Это было вчера.

«Это было вчера», – повторила про себя Саша. Вчера. И Вовка с гитарой, и весна, и тюльпаны. А прошло десять лет. И на дворе осень. И ни тюльпанов нет, ни гитары. Ни Вовки...

А вот еще одна рамка: простая деревяшка, выкрашенная в ярко-синий цвет, в россыпи красного бисера по углам – подарок племянницы на Сашино двадцатипятилетие. Она потрогала пластмассовые пупырышки, погладила гладкую поверхность. Почему-то вспомнилось какое-то студенческое задание: докажите, что синий цвет лучше красного и наоборот. Вот же они, рядом, синий и красный, прекрасно смотрятся вместе, скрепленные канцелярским клеем, и никому не приходит в голову выяснять превосходства того или другого цвета.

Она улыбнулась, вспомнив обстоятельства, при которых был сделан снимок, любовно вставленный семилетней Марусей в творение собственных рук. Какой тогда был год? Восемьдесят девятый? Девяностый? Да, точно девяностый. Саше едва исполнилось пятнадцать, и она таки вымолила у родителей разрешение пойти в поход с компанией старшей сестры. Две недели горных порогов, костров, рыбалки и каждодневной ухи больше всего запомнились девочке вовсе не опасными сплавами, соснами и страшными рассказами о близости медведей, волков и прочих неприятностей. Чаще всего потом, в городе, вспоминала она опьяняющий запах свободы, который ощущался тогда в походе. Отсутствие привычного контроля взрослых, легкий, необидный матерок, который можно было ежесекундно схлопотать за неправильный гребок, неверный аккорд или пересоленную гречку, и, разумеется, ритуальное, вечернее, немного гнусавое из-за

постоянно мокрых ног исполнителя «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Это действительно было здорово, восхитительно, волшебно. Две недели нескончаемого праздника, буйства фантазии и кипения крови. Особенно горячо кровь бурлила именно в тот момент, когда выливалась в реку только что приготовленный суп, который ей впервые доверили сварить самостоятельно. Доверие доверием, но оно не остановило красавца Бориса, негласного капитана, самого старшего и опытного в команде, поморщиться и объявить во всеуслышание, что «даже в институтской столовке уха повкуснее и понаваристее». Уха, возможно, там была и «понаваристее», а норова у Саши тогда было не меньше, чем у всех посетителей того общепита, вместе взятых. Она была молоденькой, хорошенькой, гордой, конечно же, как и многие девушки, влюбленной в Бориса и... строптивой. Мгновение – и весь котел с горячим супом в холодной реке, еще одно – в ледяную воду летит сама Саша, поскользнувшись на крутом берегу, третье – за ней прыгает испуганная Ира. И вот они уже обе мокрые, дрожащие, в одинаковых майках, звонко хохочущие, стоят по колено в воде и держат злополучный котел, в котором вместо горячего супа плавает испуганная мелкая щучка.

Сейчас Саша, как ни старалась, не смогла бы вспомнить, кто тогда успел схватить фотоаппарат и запечатлеть эти секунды для истории, да и самого снимка она не видела до того дня, когда Маруся вставила его в рамочку и преподнесла ей

в качестве подарка на юбилей. Интересно, чем был обусловлен такой выбор? Самой ли Марусе пришлось по душе эта фотография? Был ли это намек Ирины на давно прошедшие времена, или это Миша решил таким образом избавиться от того последнего, что еще могло напоминать ему в собственном доме о походном прошлом жены? Выбор в любом случае был удачным. На карточке они обе беззаботны, несведущи, наивны, безоговорочно счастливы и так далеки от того, что случится всего через год. А теперь... Теперь Ира по-прежнему счастлива, вернее, счастлива по-другому, но все же счастлива. Или нет? Как понимать эти слова о невезении и надо ли их понимать? Пустое. Ира есть Ира. Она любит усложненность, недосказанность, таинственность и преувеличение. Слабое горло Маруси, Петины двойки и Мишина аритмия – это даже не невезение, а настоящая трагедия. Трагедия под названием «семья». Саше бы такую трагедию. А лучше все же семью. Но у нее только куклы. А еще был Вовка с его милым ежевечерним телефонным трепом.

Она машинально взглянула на часы над комодом и вздрогнула. Звонок телефона раздался не только в ее голове, но и в комнате. Снимая трубку, она была почти готова услышать голос брата, но чуда не произошло.

– Как ты ее назвала? – Ира, как обычно, обошлась без приветствия.

– Кого? – Саша не успела понять вопрос сестры. Единственное, что она хотела понять, – каким образом у Иры

хватало сил после этого кошмарного дня, который она могла бы постараться забыть навсегда, захлопнув дверь Сашиной квартиры, возвращаться обратно. Почему она не старалась быстрее покончить с последними тремя сутками? Зачем продолжала изводить себя? Для чего мучила Сашу? И к чему действительно этот дурацкий вопрос? Кого Саша должна была назвать и почему это так интересовало Иру?

– Я хочу знать, как ты назвала куклу.

– Ты поэтому звонишь? – Что-то не складывалось. Сестра только что вернулась в свой уютный мирок. Самое время читать сказку Петюне, или погладить мужу свежую рубашку, или посмотреть с Марусей новый клип Кайли, или просто почувствовать себя свободной, укрывшись на кухне с чашкой свежесваренного зеленого чая и с уже изрядно наскучившими, но неизбежными мыслями о хрупкости жизни. Неужели Ире не с кем разделить эти мысли, кроме младшей сестры?

– Значит, пока не нашла имени.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– А ты на мой.

– Я не искала. Я около фотографий стою, – неожиданно призналась Саша. – Кто нас тогда снимал, не помнишь?

– Не помню, – быстро соврала Ира.

– Кажется, такой смешной блондинчик, то ли Сева, то ли Сеня. Мне еще в походе думалось, что он к тебе неровно дышит. Кстати, неплохой бы был вариант. Странно, что меж-

ду вами ничего не случилось. Хотя, кто знает: не встретить ты Мишу, неизвестно, чем бы закончились эти ваши братские походы. Как же его звали-то: Сева, Сеня, Тема...

– Я же сказала, я не помню. – «Сема. Его зовут Самат. И он уже несколько лет лысый, но об этом Саше лучше не знать». – Ты ведь не только этот снимок разглядывала.

– Я никакие не разглядывала. Я просто, просто...

– Что – «просто»? Просто трогала? Просто перебирала? – Вспоминала?

– Да.

– Все-таки плохо, что Ляля не пришла.

– Я звала.

– Ты ее на фотографии отрезала и ждала, что она придет в твой дом?

– Она не знает, что я отрезала. И я не ждала.

– Я думаю, ты плохо звала.

– Возможно. – «Ну, началось. Вот если бы это делала она – Ира, то тогда жаба Ляля не посмела бы не явиться на похороны бывшего мужа. А я кто такая? Меня можно и проигнорировать. Я же на самом деле не хотела видеть Лялю. Звонила для очистки совести. А даже если так? Совесть моя чиста, а пришла – не пришла, за это пусть она и отвечает».

– Хотя мало ли что могло произойти.

Саша не поддержала, не стала искать объяснений поступку бывшей невестки. И не потому, что ей было неинтересно, а потому, что у нее самой «мало ли» не случилось, у нее все-

гда всего было много и по максимуму, а иначе скучно, банально, неправильно.

– Ты хочешь поговорить о Ляле?

– Нет, я хотела сказать, что надо было позвать не только ее.

Саша снова промолчала. Зачем прикидываться и делать вид, что она не понимает, кого имеет в виду сестра? Прекрасно понимает, только не знает, к чему сейчас этот разговор. Если Ира считала, что надо было сообщить, почему не сказала раньше? Чтобы свалить грех на Сашу?

– Я тебя ни в чем не обвиняю, Сашенька. Я сама виновата. Так привыкла обходиться без него, что и не вспомнила даже.

«Не вспомнила? А я вспоминала. Я все время помню, хотя очень хочу забыть».

– Ир, давай не будем, а? Что сделано, то сделано, и наоборот. Уже не исправишь.

– Есть ведь девять дней и сорок.

– У меня выставка через неделю в Монреале, помнишь? И я хотела там задержаться, съездить к нашим.

– Да-да, извини. Сама не знаю, как меня угораздило забыть. – «Знаю, конечно, но не признаваться же, что я не способна думать вообще ни о чем, кроме... Да и звоню сейчас просто для того, чтобы с кем-то разговаривать и ни о чем не думать». – А как называется выставка?

– «Литературные герои девятнадцатого века».

– Кого повезешь?

– Татьяну, Наташу Ростову, Коробочку, нескольких барышень Диккенса, бедняжку мадам Бовари, Анжелику, королеву Марго и Оксану в черевичках.

– По-моему, Вакула верхом на черте был бы колоритнее. А еще у тебя прекрасно бы вышел Шерлок Холмс со скрипкой или сам мистер Домби.

«Она это специально или просто не замечала, что я никогда не делаю кукол мужского пола?»

– Наверное. Я устала, Ириш. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – «И все же почему она до сих пор не делает мальчиков?»

– Каких мальчиков? – Муж недоуменно выглядывал из-за газеты, и Ира поняла, что последнюю мысль невольно высказала вслух.

– Не живых. Не обращай внимания.

– Да. С живыми у Сашки ничего не выходит.

Он снова углубился в колонку биржевых новостей, а Ира поморщилась. И сама фраза, и грубоватое «Сашка» резали не только слух, но и душу. Знать бы, какой по счету кусочек сейчас улетел в бездонную пропасть ее счастливой семейной жизни.

Она заглянула к Пете. Мальчик спал, сбросив одеяло и раскидав по кровати кавалькаду покемонов. Ира аккуратно собрала пластиковых монстров, бережно сложила в коробку, накрыла ребенка, погладила легкие светлые волосы, машинально поправив свои – тяжелые, черные, выющиеся плотными кольцами, как у Саши. Потом заглянула к Марусе – дочь отсутствовала, временно переместилась в одну из социальных сетей, обмениваясь сообщениями, надписями на стене и скачанными из Интернета забавными и не слишком роликами. Ира такое времяпрепровождение не одобряла, но разве можно что-либо запрещать семнадцатилетнему человеку, когда вокруг него такие же поглощенные всем этим подростки.

– Маш, какой завтра первый урок?

– Английский.

– Ложись спать.

– Ща.

Это могло означать с равной долей успеха, что компьютер будет выключен или через несколько минут, или через несколько часов.

– Сейчас же, – на всякий случай добавила Ира, не слишком уповая на показную строгость своего тона.

Она закрылась в ванной, смыла с себя всю тяжесть дня, машинально забивая в память то, что видела на полках: у Маруси закончился бальзам для волос, мужу нужен крем для бритья, да и зубную пасту хорошо бы поменять, у этой какой-то неприятный привкус. «И все же почему Саша создает только женские образы? Это какой-то неполный творческий мир, да и не творческий мог бы быть шире. Вот у нее, у Иры... Стоп. Нет. Не сегодня. Не думать, не вспоминать и не реветь. Не реветь, я тебе говорю. Не хватало еще, чтобы Миша увидел красные глаза и полез с расспросами». Хотя сейчас заплаканные глаза вполне объяснимы. Смертью близкого человека можно объяснить все: и резкие перепады настроения, и постоянное недовольство всем и вся, и внезапные слезы, и даже истеричный, неискренний смех.

Но объяснять ничего не пришлось. Когда она вошла в спальню, торшер был погашен, газета чуть слышно шуршала листами на полу под открытым окном, а Мишина спина

под одеялом ясно говорила о нежелательности какого-либо общения. Ира тихо скользнула в кровать и будто назло этой холодной спине спросила:

– Помнишь, у Саши на комоде есть карточка, где мы с ней вдвоем в походе?

– Угу! – Миша все же не спал.

– Знаешь, кто сделал снимок?

– У-у?

– Один мальчик.

– У-у-у...

– Саша считает, что он был в меня влюблен.

– Угу! – Муж не поддерживал, не возмущался и не осуждал. Ему все это было безынтересно и скучно, он пытался уснуть, а ему мешали, и это страшно раздражало.

– А вдруг он влюблен до сих пор?

– Угу.

– Что «угу»? – взорвалась Ира.

Миша повернулся и примирительно, по-хозяйски обвил ее рукой.

– Ир, не говори ерунду! Давай спать.

Муж давно уже спал, а она все смотрела в потолок широко раскрытыми глазами и старалась разглядеть среди скользящих там полосок тусклого света ответ на незаданный вопрос: «А если это не ерунда?»

Экран ноутбука нервно мигнул и открыл сообщение:

«Зачем ты врешь, что не смог приехать? Я тебя видела, ты был там. Стоял метрах в пятидесяти за широким дубом: воротник плаща поднят, кепка надвинута на глаза. Маскируешься? А мог бы и подойти...»

Человек щелкнул мышкой, закрывая почту. Не стал отвечать на это послание. А что он должен был написать? Мог ли он подойти? Да, конечно. Он мог. Мог, но не смог.

Монреаль встретил Сашу теплым, легким ветерком и ярким солнцем, совершенно неожиданным после плачущего естественными осенними дождями московского неба. Погода благоволит, говорили организаторы выставки, и она радовалась, что наконец-то хоть что-то в этом мире, кроме работы, решило повернуться к ней радужной стороной. Путешествий она уже не любила. Возможно, оттого, что они давно стали привычной частью ее жизни и ассоциировались отнюдь не с удовольствиями, а с бесконечными «надо» и «нужно», а может быть, потому, что отнимали время у работы, которой она могла заниматься ежесекундно и на которую никогда не хватало времени. Но Монреаль понравился сразу. Не мог не понравиться. Впервые за много лет она с удовольствием думала о предстоящем отдыхе, впервые считала дни не до открытия выставки, а до ее окончания, чтобы наконец отправиться туда, где никто не знает Александру Андрееву – талантливого художника, а помнят только Сашеньку Чаидзе, веселую озорницу, дочку дорогой Манечки.

Она не стала сообщать о своем приезде. Они бы непременно захотели посетить выставку, а у нее не нашлось бы предлога им отказать. Почему-то казалось, что, соприкоснувшись с ее взрослой жизнью, они уже не смогут по-прежнему видеть в ней ту счастливую, беззаботную девчушку, ко-

торой она была когда-то. А ей так хотелось оставаться такой, если не в реальности, то хотя бы в их глазах.

Как они ее встретят? Что скажут после стольких лет молчания? И узнают ли вообще? Эти мысли беспокоили ее еще в Москве, не выходили из головы во время выставки и одолевали теперь, когда она гнала взятую напрокат «Фиесту» на север от Монреаля. Она не думала о дороге, ехала механически, погруженная в себя, не замечала ничего вокруг.

А ведь посмотреть было на что. Черные ели, красные кедры, сосны и туи, подчиняясь вольной стихии Атлантики, непрерывно покачивали заросшими лапами. Махали кистями ели, им вторили сосны, вступали в хоровод лиственницы, присоединялись к празднеству кедры, и вот уже весь лес вокруг дороги кружился в бесподобных половецких плясках. И если бы она остановилась, прислушалась к шороху ветвей, скрипу стволов, наверняка различила бы за этими обыденными звуками природы знакомую и потрясающую мелодию. А услышав, замерла бы, пригляделась и через мгновение уже нарисовала бы в голове дюжину очаровательных кукол, стройно выводящих «Улетай на крыльях ветра»¹. Но сейчас ей совсем не хотелось думать о работе, и, словно подчиняясь ее желанию, глаза не видели, а уши не слышали.

Опомнилась она лишь тогда, когда лес внезапно кончился, а на указателях появилась надпись, что до интересующего ее городка осталось несколько миль. Только теперь обра-

---

¹ Отрывок из оперы «Князь Игорь», исполняемый хором половецких девушек.

тила внимание на полосы начинающейся тундры: как знать, может быть, где-то там прямо навстречу мчится к ней долгожданный северный олень.

– Я тоже хочу оленя, папочка!

– А шубку и муфточку?

– Нет, только оленя.

– Если бы я был охотником, детка, я бы его обязательно достал для тебя, но я всего лишь пилот.

– Папочка, а если в твой самолет зайдет...

– Олень?

– Нет, разбойница. Ты попроси у нее, хорошо?

– Если зайдет, обязательно попрошу.

К счастью или к сожалению, разбойников на борту своего воздушного судна Сашин отец так никогда и не встретил, а олень... ну что олень... олень с ветвистыми рогами и с сидящей на нем в красной шубке отважной Гердой получил Гран-при на конкурсе юных талантов Москвы.

Прямо навстречу Саше летело, нет, не парнокопытное животное, а знак поворота на Роудон. Через четверть часа, спустившись вниз по узкой горной дороге, вновь окруженной всем разнообразием хвойной растительности, девушка уже слушала напутствия паренька с заправочной станции, который, внимательно изучив адрес на листочке, старательно прочерчивал ей на только что купленной карте города самый короткий маршрут. Поблагодарив любезного «навигатора», она забралась в машину и ощутила очередной приступ па-

ники по поводу предстоящей встречи. «Может быть, просто уехать? Еще не поздно передумать. Поброжу пару дней по Монреалю и поменяю билет. Да, хотела отдохнуть, но что мешает просто купить тур в Турцию или в Египет, или даже на острова. Почему бы и нет?» Куклы хорошо продаются. Она может себе позволить лежать на песке, смотреть на море и не травмировать душу. Не может! Душа жаждет быть травмированной, обожженной воспоминаниями, опаленной радостью. А если ее появление не вызовет никакой радости? В конце концов, они столько лет не общались. Они, наверное, и думать забыли о той девочке, которая когда-то пропала в их доме. Которой всегда было тепло и уютно в тесной однокомнатной квартирке, где ее непременно ждали горячие пироги, проницательные глаза и добрые советы.

– Проходи, Сашура, проходи, – так ее называли только здесь. И ей очень нравился такой вариант своего имени, но почему-то она не могла себе представить, что кто-либо еще, кроме этих людей, может так к ней обратиться. Вряд ли кому-нибудь другому на всем белом свете удалось бы повторить эту ласковую и вместе с тем чуть ироничную интонацию, с которой появлялся на пороге дядя Нодар и тут же сообщал степенно и громко, будто Сашин визит должен был стать новостью номер один на всех информационных лентах: – Эсма, наша красавица пришла.

– Чудесно, – тут же летело из комнаты звонкое меццо-сопрано, – я только что обнаружила в шкафу восхитительное

платье. Сашура, ты должна померить. Мне уже не по возрасту, а тебе подойдет. – И тетя Эсма, легкая, хрупкая, миниатюрная, появлялась в коридоре, продолжая рассказывать о том, какое великолепие из шелка и кружев завалялось где-то на антресолях специально для Саши. А Саша не слушала, только смотрела во все глаза на тетю Эсму и поражалась, как эта красавица, с ее тонкими запястьями цвета слоновой кости, высокими скулами, бледным, словно восковым лицом, темными миндалевидными глазами с поразительной, свойственной грузинкам глубиной и поволокой и волосами – длинными, гладкими и черными как смоль, может думать, будто что-то может оказаться ей не по возрасту, что кто-то может носить ее вещи. И этот кто-то – она, Саша, – угловатая, прыщавая и краснеющая от одного только взгляда, обращенного в ее сторону.

– Сашура, ты только посмотри, как тебе идет! – Хрупкие руки крутили ее перед зеркалом, поправляя завернувшиеся кружева, разглаживая слегка замявшийся шелк. – Просто красotka, ни убавить ни прибавить. Хотя нет, постой-ка! Прибавить все-таки можно, – длинные пальцы в мгновение ока сооружают у девочки на макушке вечернюю прическу. – Да, так еще лучше. У тебя локоны очень густые. И великолепно смотрятся. Мне бы хотелось такие иметь. – И Саша мгновенно вспыхивает. «Тетя Эсма считает, что у меня может быть что-то лучше, чем у нее. Это нелепость какая-то. Где я и где она – умница, красавица, талантливый перевод-

чик, а еще у нее и голос, и слух, и на гитаре играет, а мне медведь на ухо наступил. Она играет, а дядя Нодар слушает, улыбается в свои усы и хвалит ее: «Ах ты, моя птичка-невеличка!» А на меня так никто не посмотрит и никто не назовет своей чито-грито. Разве что папа... Но на то он и папа, чтобы нахваливать свою дочку».

– Ладно, Эсма, совсем девочку замучила. Одеда уже, теперь накормить надо. Пойди сообрази что-нибудь поесть.

И волшебница послушно отпускала Сашу, ускользала, и вот уже с кухни доносилось звяканье тарелок, и летел через всю квартиру вопрос:

– Вам мужужи или харчо?

– Харчо, – откликнулся дядя Нодар, а Саша смотрела на него восхищенно и пыталась понять, как ему удастся управлять королевой.

– Что, Сашура, не понимаешь? – глаза хитро блеснули, губы растягивались в лукавой улыбке.

«Ну как ему удастся прочитать мои мысли?»

– Не понимаю, – соглашалась Саша, и дядя Нодар весело смеялся, качал головой и немного обидно заключал:

– И не поймешь!

Но однажды смеяться не стал, подозвал девочку к себе, махнул на стену, спросил:

– Что это?

Саша старательно вглядывалась в рисунок, не нашла ничего особенного, сказала:

– Картина.

– Экая ты торопыга! «Картина». Это я и без тебя знаю. А на картине что?

Девочка изучала репродукцию не дольше минуты. «Ясно, что где-то подвох, но где, в чем?»

– Ну, здесь море, солнце, лодки, рыбаки куда-то плывут.

– «Куда-то», – передразнил дядя Нодар. – Рыбаки плавают за рыбой, а не куда-то. А на картине, Сашура, впечатление художника от увиденного. Его впечатление – теперь твое впечатление. Impression, импрессионизм, понимаешь?

Саша кивнула. Про импрессионизм она что-то слышала.

– Вот ты удивляешься, как это Эсма меня слушает, а здесь нет никакой загадки. Просто я произвожу на нее впечатление. Чем? Я и сам понять не могу. И она, думаю, не понимает. Если бы поняла, то все, Сашура, конец, никакой магии, и пора разбегаться. Как в этом фильме, помнишь: «И что это я в тебя такой влюбленный?» Влюбленный, потому что находишься под впечатлением. Можно долго в таком состоянии находиться, а можно всего несколько секунд. Бывает первое впечатление, второе, третье, последнее, но его надо производить. Надо, чтобы тебя запоминали, чтобы на тебя реагировали, чтобы не только ты не оставалась незамеченной, но и сказанное тобой, сделанное помнилось и ценилось.

– А как? Как создать впечатление?

– В корень зришь! Маладэц!

Саша снова покраснела. Когда дядя Нодар переходит на

грузинский акцент, он действительно доволен слушательницей и хвалит не просто так, а заслуженно. Признание собственных успехов всегда окрыляло ее, придавало храбрости, позволяло проявлять настойчивость:

– Так как же?

– Деталью, Сашура, деталью! Вот ты думаешь, все люди способны подробно запоминать, кто как выглядел, в чем был одет и что говорил. Нет, запомнят оригинальную вещь, цветущий вид или мешки под глазами, смороженную глупость или шикарный анекдот. Одной деталью можно как удивить, очаровать, преподнести себя на блюдечке с золотой каемочкой, так и наоборот, испортить о себе всякое впечатление.

– И что же делать?

– Думать. Всегда думать, прежде чем что-то сказать или сделать. Это природа может себе позволить вознести солнце над морем и одним этим движением оставить в твоей душе неизгладимый след, а у нас так не получится, не тот размах. Поэтому, Сашура, для того, чтобы добиться нужного впечатления, надо понимать, чего ты хочешь, и тогда будешь знать, как это сделать. Вот я хочу есть и знаю, как получить желаемое. А Эсма, предположим, хочет новое платье, и она тоже владеет тысячей способов достижения своей цели. Но это просто, здесь все пути известны, все дорожки проторены, а если задача посложнее, если ей, допустим, надо слово подобрать емкое для перевода. Такое, чтобы читателя зацепило, проняло, тогда как быть?

– Как?

– Думать, я же тебе говорю, балда, думать надо. Ты мне на прошлой неделе принесла куклу и спросила: «Кто это? Кого это я такого сделала, дядя Нодар?», а я что ответил?

– Красная Шапочка.

– А почему я так быстро угадал?

– Из-за шапочки.

– Вот. Правильно. А если бы ты принесла мне печальную темноволосую куклу в платье из итальянского шелка и парчи, что бы я мог сказать?

– ...

– Ну, я бы не молчал, конечно, я бы предложил варианты: Джульетта, Тоска, Беатриче... Просто грустная итальянка... Но точно я определить бы не смог. А знаешь, чему больше всего радуется посетитель музея? Не специалист?

– Чему?

– Собственному уму и сообразительности. Человек счастлив до безумия, когда ему кажется, что он сумел разгадать замысел автора, а табличка у экспоната лишь подтверждает это. Но правда в том, что догадаться мы можем лишь тогда, когда художник позволит нам сделать это, и никак иначе. Далеко не у всех людей настолько богатое воображение, чтобы понять Дали и позднего Пикассо, но, знаешь ли, эти гении умели производить впечатление. Кто-то запоминается своей неординарностью, кто-то – великолепной детализацией и высокой степенью достоверности. Главное – произвести

впечатление, а какой путь выбрать – каждый решает сам.

Саша этот вопрос так до сих пор и не решила. В ее художественном воображении абстрактное прекрасно уживалось с предельно реальным и естественным. Она могла неделями думать, как сделать куклу Наташей Ростовой и никем иным, а могла за несколько часов смастерить коллаж из лоскутков и тряпочек, назвать этот взрыв эмоций «Летним настроением», собрать хорошие отзывы критиков и получить гонорар от того, кто впечатлился и решил, что разгадал замысел творца. Она так и не научилась всегда следовать совету дяди Нодара. К сожалению, думать получалось далеко не так часто, как хотелось бы. Зачастую руки опережали мысли, а иногда и слова слетали с губ раньше, чем удавалось сообразить, к каким последствиям может привести сказанная фраза.

Дядя Нодар уже тогда видел, что в их любимой Сашуре в равной степени сочетаются порывистость и усидчивость. И Саша порой страдала и от своих внезапных поступков, и от слишком долгих раздумий над персонажем, в то время как ее идею с успехом воплощали конкуренты. Но... она придерживалась принципа, что мера хороша всегда и во всем, и старалась не переступать ту грань, за которой стремительность превращалась в резкость, а вдумчивость оборачивалась медлительностью.

И в данный момент ей не в чем было себя упрекнуть. Решение приехать в Роудон было, конечно же, искренним, волнительным, добрым порывом, но порывом, осуществление

которого она планировала несколько недель. Планировала, но так и не сумела вывести четкой стратегии своих действий. В конце концов, вряд ли кому-нибудь часто приходится стоять на пороге дома тех, с кем когда-то виделись чуть ли не каждый день, а потом не общались почти двадцать лет. Стоишь и не можешь решить, постучать ли или все-таки позволить себе смалодушничать: спрыгнуть с крыльца и исчезнуть еще лет на двадцать, до следующего взрыва внезапно нахлынувших чувств.

Она стояла перед дверью, она уже сжала руку в кулак, чтобы поднять ее и постучать, как вдруг из дома послышался веселый смех.

«Знакомые нотки, но они не принадлежат дяде Нодару. Они... они...»

И за секунду до того, как Саша поняла, *кого* слышала за дверью, она распахнулась, и на пороге возник обладатель веселого смеха. Улыбка сползла с его лица, выражения сменялись одно за другим: удивление, боль, неверие, надежда, радость. Радость? Ну уж нет. Радоваться она ему ни за что не позволит. Ее лицо при всем потрясении осталось непроницаемым. Она только машинально и как-то безучастно отметила: «постарел», повернулась, сошла с крыльца, не замечая, что ее зовут, за ней бегут. Увидела лишь в зеркало заднего вида: тетя Эсма такая же маленькая и худенькая, волосы седые и почему-то кудрявые. «Наверное, химию сделала. Мечты сбываются». А дядя Нодар такой же огромный, но груз-

ный и прихрамывает, поэтому и не догнал, поэтому и остался стоять растерянно посреди дороги и что-то кричать, когда она метнулась в «Фиесту» и в мгновение ока сорвалась с места. Она не смотрела на двух пожилых людей, застывших в недоумении и провожающих ее машину с нескрываемой болью в глазах, она не могла оторвать взгляда от человека, не сделавшего и шага, от того, кто так и остался стоять, приклонясь к косяку двери, от того, кого хотела видеть меньше всего на свете, от того, на которого хотела посмотреть еще хотя бы мгновение, прежде чем машина увезет ее из внезапно возникшего прошлого. «И кто сказал, что возвращаться всегда приятно? Какая-то чудовищная, циничная, абсолютно лживая ересь! Никаких возвращений! Только вперед!»

– Самат! Это непростительная глупость! Если упустишь эту девушку, бобылем останешься. В конце концов, статус статусом, но не многие родители согласны дочерей за своих ровесников отдавать. А ты не молодеешь, Самат! И я не молодею, а я внуков хочу. И не просто улыбаться им из кровати паралитика, а воспитывать. Принимать деятельное участие и...

– С чего ты взяла, что тебя разобьет паралич?

– Разобьет, если ты не женишься в ближайшее время.

– Мам, а что, если я женюсь чуть позже на женщине с ребенком? Внук уже готовый будет, и не совсем маленький, так что и ждать не придется, а можно будет сразу начинать воспитывать.

– У тебя есть женщина с ребенком? – Мать, как всегда, была слишком проницательна. – Разведенных татарок не бывает.

– Да сколько угодно, мам. Мы в двадцать первом веке, а не в каменном. Татарки бывают всякие. Так же, как и все остальные. И женятся люди по несколько раз, и в однополые браки вступают, и в межнациональные, между прочим, тоже.

– Через мой труп!

Снова здорово. Спорить бесполезно. Он и не спорил, так – отбрыкивался машинально. Ну не жениться же, в самом-то

деле, на очередной испуганной волоокой лани, которая, кроме «да», и слов-то других не знает. И где только мать их находит? Ведь уже столько лет в Москве живет, а как съездит в деревню, так возвращается с очередной «подходящей» кандидатурой для сына. Когда же поймет, что это бесполезно. Должны же быть какие-то границы у человеческой слепоты! Разве не достаточно того, что Самат не пошел наперекор ее воле, искалечил всю свою жизнь, нет, две жизни, и даже больше. Этого ей недостаточно. Теперь надо еще испортить существование какой-нибудь молоденькой несмышленной простушке только ради того, чтобы насладиться общением с внуками.

– Саматик, ну я тебя прошу, а? Я уже позвала людей! – Мать сменила тактику: вместо властной женщины на сцене теперь обиженный, вымаливающий молока котенок.

«Поломаться еще или пора согласиться?» Самат уже давно не занимался самообманом, он прекрасно знал, что мама обязательно найдет аргумент, который заставит его поддаться на уговоры. Оставалось только благодарить судьбу за то, что жениться на многочисленных претендентках действительно было не обязательно. Угроза развода страшила маму еще больше, чем перспектива не увидеть внуков. Так что от нежелательной женитьбы он был застрахован, а другим просьбам и приказам матери всегда подчинялся, во всем потакал и знал, что никогда не сможет перешагнуть через то, что сам считал предрассудками. И не потому, что смиренно

верил в угрозу матери обратиться в труп, как только воля ее будет нарушена, а оттого, что традиции, заложенные в человеке, подчас не подвластно истребить ни твердому разуму, ни сильному чувству.

И вот уже рубашка отглажена, костюм надет, морда выбрита и приобрела гостеприимно-заинтересованное выражение.

– Познакомься, Саматик, это Ильзира. Правда, красавица?

– А вот и наша красавица! Иришка, познакомься, это Самат.

– Самат? – Девушка такая, что у него перехватило дыхание. Он получил мощный толчок в плечо от приятеля, прежде чем спохватился, пришел в себя и откашлялся, чтобы вновь обрести способность разговаривать.

– Можно просто Сема.

– А Самат – это что за имя?

– Обычное имя. Татарское.

– Татарское? – Она рассматривала его с нескрываемым интересом. Он смутился, хотя стесняться нечего. Нечасто ведь увидишь голубоглазого, светловолосого татарина. И притом вполне симпатичного. Теперь было просто необходимо подкрепить все это чувством юмора и недюжинным умом, чтобы она не сказала: «Увидимся...» и не растворилась в толпе студентов. Ничего оригинального не приходило в голову, но «мимолетное видение» и не думало исчезать.

Тряхнуло копной волос, слегка задев локоном его щеку, сняв таким образом вопрос о возможной галлюцинации, и спросило:

– Это правда, что ты в Карелию собираешься?

– Да, я давно хожу.

– Здорово! Я тоже сплавлиюсь. Ищу компанию. Мои на Алтай идут, а мне пока боязно, опыта такого нет, чтобы по тамошним порогам кувыраться.

– Да, в Карелии попроще будет.

– Так я не поняла, берешь меня с собой или нет?

– Беру, конечно! – Нет, если бы это был сон, он уже давно бы проснулся.

– Только у меня нагрузка.

– Большая?

– Совсем не маленькая. Килограмм сорок пять, лет – пятнадцать, зовут Сашей.

– Брат?

– Сестренка.

– Ладно, возьмем.

– Ну, чтобы взять, надо еще разрешение у родителей получить, а то они, пока доверием к компании не проникнутся, никуда ее не отпустят, а я без нее не пойду.

– Думаешь, если я попрошу...

– Ты?! Нет, что ты! Мы с тобой еще не вызываем никакого доверия. – От этого легкого, беззаботного «мы с тобой» ему захотелось подпрыгнуть высоко-высоко. – Вот если бы

старший группы... Сможешь устроить?

Самат в секунду представил, как малейшее колебание мгновенно заставит его – прыгающего и парящего – рухнуть на землю, и выпалил, не раздумывая:

– Смогу.

Но одно дело сказать, сделать – совсем другое. Борис, самый опытный в команде и к тому же профессиональный спортсмен, согласился на авантюру только тогда, когда к слезным мольбам Самата присоединились две бутылки портвейна, часы с шагомером и высококлассный спиннинг, на который скинулись всей группой, дабы не потерять совсем уж было отчаявшегося друга.

Цель была достигнута. И вот уже Ирина сидела в вагоне, весело смеясь над шутками новых приятелей, но при этом ревностно оберегая безопасность младшей сестренки. Хотя волноваться было не о чем: все тогда восприняли Сашу как ребенка. Она действительно походила больше на девочку, чем на пятнадцатилетнюю девушку: маленькая, тонкая, какая-то незащищенная и вместе с тем слишком серьезная для своих лет. Единственное, что объединяло сестер, – тяжелые, темные волосы, обрамляющие овальное, чуть полноватое лицо одной и закрывающие высокие худые скулы другой. Впрочем, он не слишком хорошо помнил младшую, его привлекала старшая, и с каждым днем, замечая кокетливые взгляды, повороты головы, легкие касания рук и плеч, он все больше отдавал себе отчет в том, что что-то обязательно будет. И ес-

ли раньше Самат желал этого, то теперь другое чувство распростерло над ним свою власть: он отчаянно боялся, что это неведомое «что-то» обернется чем-нибудь серьезным.

– Это несерьезно, Самат! Ты снова все портишь! Что подумают о тебе наши гости? – шипела в ухо мать ядовитым шепотом. Он одновременно и понимал ее возмущение, и удивлялся ее поведению. Да, он согласился принять гостей, но вовсе не обещал развлекать их. И потом, он уже давно разучился это делать: без практики теория быстро забывается, а практиковаться в искусстве флирта у него нет никакой необходимости.

– Сидишь как пень. Слова не вытянешь. Даже девушка – уж на что робкая, а и то решилась какие-то вопросы задать.

«Слава Аллаху! Значит, в жизни у нее еще не все потеряно. Может, встретится ей кто-нибудь достаточно нормальный для того, чтобы понять, что женщина тоже имеет право голоса».

– А уж родители ее и так, и сяк. Что называется, и на хромой козе, и на кривой кобыле, а ты заладил как попугай: «Да. Нет. Нет. Да». Ну кому такой жених понравится?!

«Не понравится – и прекрасно!»

– Что ты разулыбался? Ты мне не здесь улыбайся, а там. Уж если воды в рот набрал, так дай хотя бы почувствовать людям, что рад знакомству. Будь повежливее, сынок, ладно? А то у меня складывается ощущение, что ты сейчас не с нами, а с кем-то другим.

«Я всегда с кем-то другим».

– Ладно, мам, я попытаюсь. Не знаю, что на меня нашло.

– Вот и хорошо, вот и славно! Ну пошли, пошли, а то нехорошо получается. Они там – мы здесь. Бери вот блюдо, и понесли к столу.

– Мам, ты иди. – Он передал матери тяжелое блюдо с калжой². – Я сейчас.

– Что такое? – Брови матери снова грозно поползли вверх.

– Ничего. Сейчас покурю и приду.

– Много курить вредно, – удовлетворенно заключила она и удалилась, гордо неся перед собой угощение. А почему бы не быть довольной? Последнее слово, как всегда, за ней, и гости в доме, и калжа пахнет замечательно и обещает оказаться божественной. В общем, все как обычно: все следуют заведенному порядку и разработанному плану. А если сделка и не состоится, то хотя бы весело проведем время.

Самат достал сигарету, покрутил между пальцами, убрал обратно в пачку. Курить не хотелось, он и так уже пять раз сбегал из гостиной под предлогом вредной привычки, так что желания отравить себя очередной порцией никотина не испытывал. Хотелось другого. Он прикрыл дверь кухни, достал из кармана мобильный и набрал номер. Услышав ответ, заговорил тихо и быстро:

– Знаю, что нарушаю договор, звоню в выходной, но я ведь редко это делаю, правда?

---

² Татарское блюдо – тушеная баранина с говядиной или кониной.

– И всегда не просто так. Что на сей раз?

– Очередная невеста.

– И тебя это не радует?

– Нет.

– Она глупа, уродлива, неприятна?

– Нет, весьма миловидна и даже кое-что соображает.

– И у тебя хватает совести мне об этом говорить?

– Я же ее к себе не звал. И потом, какая разница: глупа – умна, красива – уродлива. Ты же знаешь: мне все равно!

– Когда-нибудь тебе станет не все равно.

– Не станет!

– Брось, Семка! Мне сорок, а тебе водят двадцатилетних.

Ты что – не мужик, что ли?

– Дура ты, Ирочка.

– Дура, – почему-то согласилась она, и трубка тут же запиликала ему в ухо короткими гудками.

Конечно, она была душой. Разве может умный человек позволить себе столько лет прозябать в пучине лжи и горя, барахтаться в двух параллельных мирах, отчаянно желая наконец остаться в каком-нибудь одном, но ничего для этого не делая? Она была душой. Она плыла по течению, словно все еще сплавлялась по той давней горной реке, название которой уже никто не помнил. Вокруг бушевали страсти: друзья и знакомые женились, разводились, снова женились, опять разводились, меняли места работы и жительства, строили планы и воплощали их в жизнь. А Ира спокойно, размеренно покачивалась в своей гавани все в той же квартире, с тем же мужем и на той же должности редактора научного журнала. Нет, за двадцать лет работы она несколько раз переводилась из «Вопросов филологии» в «Русский язык» и обратно, но можно ли назвать подобные кульбиты изменениями в карьере: тот же круг тем, те же авторы, похожие статьи и абсолютно идентичная, механическая работа. Другие на ее месте давно уже насытились бы палочками и двоеточиями и нашли себя в других издательствах, которые занимаются выпуском художественной литературы. В конце концов, там и возможностей больше, и оклады повыше, и голова работает, а не скользит механически глазами по очередному опусу на тему «Значение палатальных согласных в фонематическом

строе русского языка». Другие так бы и поступили. А Ира такая, какая есть: старый муж, старая работа. И даже любовник – и тот старый.

Она так и сидела, сжимая телефон в руке. Потом очнулась, набрала несколько цифр и тут же отбросила трубку. Когда она перестанет пытаться звонить брату? Почти месяц прошел, а она через день насилует телефон его номером. И сбежать некуда, чтобы примириться с потерей. Саша вот укрылась в Монреале и не дает о себе знать. Впрочем, сестра считает, что ей гораздо больнее. Конечно, они с Вовкой были почти погодки, а вели себя и вовсе как близнецы. Ни дня не могли прожить, чтобы хотя бы не перемолвиться словом друг с другом, а после смерти мамы сблизились еще сильнее, словно каждый взял на себя заботу о другом. Ира всегда была для них старшей, немного чужой: слишком правильной, слишком счастливой.

Была такой для них обоих, пока от Вовки не ушла Ляля. И тогда она ему рассказала. Сама не знала зачем. То ли потому, что хотела утешить: «Не одному тебе плохо. В моей жизни тоже не все так гладко, как кажется», то ли оттого, что самой понадобилось утешение: «Я так устала играть в счастье, так устала жить в сказке для окружающих, я все время вру, Вовка. Мише, детям, вам, себе – всем. У меня все наполовину, а так хочется целого пирога. Помнишь, как в детстве: сбегать в булочную, купить пятикопеечный рогалик и съесть, ни с кем не поделившись. Это ли не счастье? А я все

время этот рогалик рву, нет, даже не рву, а так, крошу на малюсенькие кусочки, чтобы всем досталось». А может быть, она просто хотела тогда услышать совет? Да, советчиков в ее ситуации нашлось бы много, да какой толк от чужих наставлений человеку, которым движет река? Ира захочет повернуть направо, а как повернешь, если русло для тебя давно уже налево проложено? Нет, не советов тогда ждала она и не помощи искала. Просто хотела выговориться. И выговорилась, и выговаривалась потом постоянно.

А теперь что? Теперь и поговорить-то не с кем. Саша думает, ее горе больше, что в ее мире не осталось никого, кроме кукол. А что куклы? Разве этого мало? Куклы – это тоже жизнь, много жизней, которые Саша проживает одну за другой, создавая очередной персонаж. И у Вовки было много историй, в каждой новой песне – проигранная судьба. Вовка и Саша – творцы, а Ира – так, обыватель. Обыватель, пускающий всем пыль в глаза, убедивший окружающих в своей непогрешимости, прямолинейности и четкой направленности на следование однажды принятому курсу. А у нее ведь и курса даже никакого нет: произвольные зигзаги и повороты. Иной раз встретится какой-нибудь камушек, о который можно споткнуться, опереться и выскочить на берег, но она камни обходит стороной, потому и плывет до сих пор в своей топкой, грязной речушке. И никто, кроме ее единственного спутника, не ведает об этом заплыве длиною в жизнь. Вовка вот знал. И ей было так легко от того, что можно было с кем-

то делиться. Просто делиться, не ожидая спасения, не прося совета, не получая осуждения. Так хорошо было осязать плывущее из телефонной трубки сочувствие. А теперь кто ее пожалеет, кто подставит плечо? Саша? Сама мысль об этом казалась Ире нелепой. С кем угодно можно было поделиться своей историей, но только не с младшей сестрой. Она лишь на секунду представила.

– Как ты могла? Как могла? – У Саши от негодования определенно началась бы нервная дрожь. Она бы наступала на Иру, гневно встряхивая кудрями, испепеляя взглядом ту, что столько лет была образцом порядочности и вдруг в один миг слетела с пьедестала.

И что бы сделала Ира? Пошла бы на поводу у своей обыденности: стала бы оправдываться и защищаться? А какой лучший способ защиты? Конечно же, нападение:

– А Вовка все знал, слышишь? И никогда не говорил мне ни слова упрёка!

– Вовка? Знал? – Это окончательно доконало бы Сашу. Ира могла себе позволить рискнуть лишиться Сашиного уважения, но лишить его Вовку у нее никогда не хватило бы духу.

Саша слишком любила брата, чтобы теперь, кроме его смерти, еще переживать и разочарование в нем. Она любила говорить:

– У тебя, Иришка, есть муж и дети, а у нас с Вовкой только мы, и больше никого.

– А я?

– А я же говорю: у тебя муж и дети.

У них – Ириных младшеньких – и правда никого не было, зато было то, что делало их связь еще прочнее, понятнее. Они могли часами делиться друг с другом планами, задумками. Саша показывала Вовке эскизы, и он легко представлял конечный результат, а Ира видела лишь карандашные линии на белой бумаге.

– Ну как же ты не можешь понять? Здесь шляпка, здесь локоны. Ир, неужели не видишь? Саш, а из чего волосы делать будешь?

– Наверное, из пряжи. В этом образе важна натуральность.

– Согласен. Хлопок или шерсть?

– Скорее шелк.

– Точно, как я не догадался?! Ир, ну теперь взгляни. Вот же шелковые нити волос, а тут глаза, и платье, смотри, вразлет. Я прям вижу эту Офелию, а ты?

– Да-да, кажется, я тоже начинаю что-то представлять...

– Врешь, – Вовка радостно гоготал, – ты же не видишь утопленницу.

Ира тоже улыбалась. Подумаешь, не рассмотрела утопленницу на бумаге! А зачем ей это? Она утопленницу каждый день в зеркале видит.

Вовка легко сочинял песни, и когда исполнял их сестрам, Ира просто слушала голос брата, а Саша вслушивалась:

– Здесь надрыва слишком много. Ни к чему это, у тебя и так текст душу переворачивает, а крик только смазывает впечатление. А в этом месте лучше ускорить темп, иначе мелодия получается какой-то затянутой, нудной.

Ира недоумевала: зачем она это делает? Зачем обижает брата? К чему придирается? А Вовка лишь радовался замечаниям, благосклонно принимал критику:

– Умница ты моя! Что бы я без тебя делал? Вот слушай: так лучше будет?

И снова пел. Ире казалось, что ничего не изменилось ни в голосе, ни в нотах, а Саша благосклонно кивала, и Вовка, откладывая гитару, радостно соглашался:

– Да, ты права. Я произведу фурор в гараже!

– Ты произведешь фурор во всем мире!

Ира многозначительно хмыкала: для чего, спрашивается, тешить человека бесполезными иллюзиями? Если у Саши получилось прыгнуть выше головы, это еще не значит, что всем по силам покорять высоты. Зачем за уши тащить человека к вершине, если ему комфортно у подножия? Она всегда считала, что брат был искренне счастлив тем, что имеет: стабильная работа в автомобильном салоне, обеспечивающая такие недешевые хобби, как спортивные мотоциклы и музыкальная группа, тесный круг единомышленников, собирающихся в гараже, песни, обнажающие душу. Так ли уж необходимо обнажать душу перед массами? Ира скорее умерла бы, чем на это решилась. Вот Саша привыкла, навер-

ное, к тому, что критики, рассматривая ее работы, выносили вердикт, в каком состоянии находился автор, выполняя ту или иную модель, а Ира ни за что не согласилась бы, чтобы ее так пристально изучали, направляли на нее линзы микроскопа. Она не была стеснительной. Просто слишком много личного скрывалось внутри. Внешнее было доступно и понятно, Саша же говорила: муж, дети... Добавить в этот коктейль рутинную двадцатилетнюю деятельность на ниве грамматики и словообразования, и перед вами идеал современной счастливой женщины. Но идеал, как известно, лишен недостатков, и незачем его разглядывать через лупу. А Вовка, оказывается, был готов быть подвергнутым пристальному вниманию общественности.

– На мою выставку приходил один музыкальный продюсер. – Саша так сияла от удовольствия, что Ира не нашла ничего лучшего, чем спросить:

– Симпатичный?

– Нормальный вроде. Я как-то не рассматривала. – Саша недоуменно пожала плечами.

– А что ты так радуешься?

– Я дала ему кассету с Вовкиными записями, и он обещал позвонить, если ему понравится.

– И?

– И позвонил! Оставил телефон, попросил Вовку с ним связаться. Хочет встретиться.

– Саш, зря ты! Вова не пойдет.

– Конечно, не пойдет! Побегит!

И он побежал. Ира только тогда, несколько месяцев назад, увидев сияющего брата с подписанным контрактом, поняла, насколько они похожи, Саша и Вовка, и насколько далека была от них она сама. Эти двое были полны радостных ожиданий, к чему-то стремились и хотели от жизни максимума, а Ира давно уже привыкла жить согласно давно установленному минимуму и не пыталась покорить другие высоты.

– Мам, ты чего замерла над трубкой? – Голос дочери требовательным дискантом ворвался в мысли. – Ты кому-то звонишь, или я могу взять телефон?

– Бери, пожалуйста. Мне не надо.

– Да? А выглядишь так, будто это самая большая ценность в твоей жизни.

– Не хами, Маш! И вообще, зачем тебе мой телефон? Возьми свой или городской.

– Нет, не могу. Он не подойдет, если увидит мой номер.

– Кто это «он», интересно знать?

– Ну, так... один мальчик. Да какая разница, мам?!

– Маша! Ты зачем унижаешься? Никогда не звони мальчику первой!

– Никогда не звони мальчику первой, Ирина. Дай ему получить удовольствие от игры в охотника и добычу. Чем дольше и труднее охота, тем ценнее улов! – Этому нехитрому совету мамы Ира всегда следовала легко, без каких-либо мучительных усилий со своей стороны. Возможно, она и не счи-

тала себя красавицей, но здравый смысл и собственное отражение подсказывали ей, что если сегодня не позвонит один охотник, то завтра провода начнет обрывать другой.

Установка работала и не давала сбой до встречи с Саматом, но через два дня после возвращения из похода Ира уже была готова изменить установленным правилам. Она была уверена: что-то случилось, иначе почему он до сих пор не позвонил, не предложил встретиться? А ведь позвонили уже все, повспоминали о ночевках, о трудных и не слишком порогах, посетовали на то, что до следующего лета еще целый год учебы. Ребята наперебой звали в кафе и кино, даже самодовольный Борис сказал, будто облагодетельствовал: «Захочешь куда-нибудь сходить – позвони». Она еще засмеялась:

– Непременно. – «Сейчас, разбежался. Спешу и падаю. Нужен мне этот нарцисс».

Ей не был нужен ни нарцисс, ни симпатичные, обходительные близнецы с физтеха, ни балагур и затейник, вечно пахнувший ксилитом химик Сережа, предлагающий отравить любого, кто посмеет обидеть «красу Ирину», ни приятель из соседнего подъезда, регулярно предлагавший встречаться не только на собачьей площадке. Но Ира к нему на свидания бегала только со стареньким пуделем, да и его рядом с собой без болонки не представляла. Хотя сам он собаки стеснялся, подчеркивал:

– Это мамина. Но по вечерам ей гулять страшновато. Так что я вот. – И многозначительно замолкал, давая понять, что

в противном случае рядом с ним прыгал бы не веселый пушистый комочек, а гордо вышагивал бы огромный сторожевой пес.

Ира живо представляла себе, как когда-нибудь поправится, подурнеет, поседеет или с ней случится еще что-нибудь подобное, а он постесняется сказать знакомым, что это его жена. Сообщит стыдливо: «Вот женился когда-то...» И конечно же, непременно сделает паузу, намекая на свое благородство и величие души: «Подобрал когда-то, теперь уж не бросишь». Нет, о таком снисхождении она не мечтала.

Не интересовал девушку и интеллигентный Изя с его вечно съезжающими на кончик носа очками и желанием все в жизни подчинять математическим формулам и строгим расчетам.

– Вот, я построил схему. – И он гордо доставал из кармана смятый тетрадный листок, испещренный кружками, квадратами, цифрами и стрелочками. – Согласно точному расчету я женюсь через два года, через три стану отцом, через пять повторю этот подвиг.

– А почему женишься через два года?

– Защищу диссертацию и сразу женюсь. Мысли о суетном не должны отвлекать ученого.

– А что, потом бросишь науку?

– Пойду в изобретатели. А изобретателю необходима муза. Тут уж без жены не обойдешься.

– Разумно.

– А то! У меня по-другому не бывает.

– А где, Изя, жену искать будешь?

– Так я уже нашел. Это ты.

– Я?! – Ира еле сдерживалась, чтобы не захлебнуться от смеха.

– Да, а ты что, против?

– Ну, я так понимаю, что в ближайшие два года ты будешь занят другими вещами, так что с ответом можно и подождать?

Изя заглядывал в листок, что-то проверял в фигурах и цифрах и удовлетворенно соглашался: «Можно», – и отбывал восвояси. А она отправлялась к маме и Саше со смехом докладывать о том, что обручена. «Но вы с папой можете не волноваться. В ближайшие два года на свадьбу раскошеливаться не придется».

– Я уже боюсь, Ирочка, что с таким подходом нам вообще никогда не придется раскошеливаться на твою свадьбу.

– Ты чего, мамуль? Мне всего двадцать.

– Уже двадцать! – И это говорила мама, которая еще вчера строго обучала дочь правилам игры. – Смотри, не провыбирайся.

– Не выбирая, нельзя сделать правильный выбор.

– Иногда и первое попавшееся может оказаться вполне приличным. – Мама настаивала.

Ира тут же вспоминала своего первого ухажера, который хвастался знанием двух стихотворений Евтушенко и ассорти-

тимента пива в ближайшем магазине, и брезгливо кривила губы:

– Нет, не может.

– Ох, смотри, Иринка! – И мама горестно качала головой. Что за напасть такая? Друзей хоть отбавляй, а ничего серьезного. А где новые знакомства взять? На девичьем филфаке очередь из женихов выстроиться не может. – Ох, смотри!

– Смотрю. – Ира подмигивала Саше, и они начинали дружно хихикать, а мама смотрела на них, смотрела, а потом тоже начинала смеяться. И так хорошо было, легко, беззаботно от этого общего смеха...

Но все это было до него. До похода, до Самата. Как давно это было! В какой-то прошлой жизни. Странно. Было в прошлой жизни, а не прошло, не заросло, не зарубцевалось. Так и слышатся отголоски в настоящем, так и ноет, будто в непогоду, старый шов. Как нелепо! Словно и настоящего никакого нет. А ведь есть. Вот же оно: стоит подбоченившись, смотрит вызывающе.

– Мам, так дашь телефон?

Ира тяжело поднялась из-за стола, покачала головой:

– Это, Мань, не выход.

– Что – не выход?

– Навязываться. Если с тобой не хотят общаться – не про-
си.

– А ты никогда не просила?

– Я? – «Лучше бы не просила».

– Ты. Не навязывалась?

Через десять дней после возвращения из похода Ира окончательно поняла: мысли о случайном приятеле с мехмата укрепились в ее сознании так прочно, что необходимо срочно либо найти им какое-нибудь оправдание, либо получить веские основания для того, чтобы окончательно избавиться от них свою голову. И того и другого добиться можно было одним-единственным образом: найти повод для встречи. Одной из любимых ее песен была как раз та самая, про веселый ветер, а там, как известно, «кто ищет – тот всегда найдет». Нет, она не собиралась караулить, ходить в главное здание, узнавать расписание. А без подобной информации вероятность того, что студент филологического факультета МГУ может случайно столкнуться с «математиком», равнялась бы согласно известной теории Эйнштейна сотым долям процента. Можно месяцами не встречаться с соседями по подъезду, поэтому и ждать свидания с человеком, который все учебное время проводит в другом здании, было бы таким же нонсенсом, как подкарауливать медведя в лесу глубокой зимой. Ира, конечно, ощущала себя охотницей, но мерзнуть в сугробах в безнадежной засаде не собиралась. В конце концов, не зря же она с таким трудом выторговала у родителей разрешение взять в поход не только Сашу, но и новую видеокамеру. Теперь она была счастливым обладателем хроники сплавов, хохота, ругани, утренней рыбалки и ночных бдений у костра. Несколько мучительных вечеров у магнитофона –

и новые технологии освоены: смонтирован веселый, легкий фильм, который только и ждет, когда же друзья-походники соберутся на просмотр. Оливье нарезано, стаканы с терпким молдавским наполнены и...

– Давай, Иришка, включай, не томи душу!

– Сейчас, все придут.

– Так больше некого ждать.

– А Семка? Вы его не предупреждали?

– А Самат откажет. – Это, конечно, Борис не может удержаться от того, чтобы не поерничать и не покрасоваться. – Так что демонстрируй свой шедевр, а то я на свидание опоздаю. – Разве можно не потешить уязвленную гордость и не продемонстрировать, что к нему, красавцу и умнику, и без нее очередь строится?

– Почему? – Ира искренне надеялась, что сумела скрыть все, что скрывалось в этом вопросе, кроме простого любопытства.

– Да дела какие-то. Не все ли равно? Запускай шарманку.

Вечер казался безнадежно испорченным. И только под занавес:

– Ир, Саматик просил, если копии делать будешь, на него тоже рассчитывай, а я передам.

– Я сама передам.

Передала. И с тех пор каждый раз в любой лавочке, что пестрит яркими прямоугольными коробочками с названиями кинолент, у нее возникало смешанное чувство приятной

волнующей ностальгии и одновременно непреодолимой щемящей жалости к самой себе. А жалеть себя не надо. Слабые тратят время на жалость. Необходимо быть сильной. И если ей тяжело было это сделать, то Маруся обязана хотя бы попробовать:

– Навязывалась, не навязывалась... Может, и навязывалась, потому и знаю, что ничего хорошего из этого не получается.

– Совсем ничего? – дочка вдруг улыбнулась. А Ира... Ира сначала подумала о том, насколько таинственным и необъяснимым может быть духовный мир подростка. Ведь только что хмурилась, шла в атаку, наступала, готова была драться до последнего. А вот почувствовала в матери что-то кроме простых наставлений и надоевшего менторства, поймала искренность и уже готова хихикать и сдаваться. Это только в первую секунду промелькнуло в сознании Иры, а потом простой, дружелюбный, даже кокетливый вопрос дочери обрушился на нее всем своим оглушительным, отравляющим существованием смыслом, о котором ведомо было только ей самой.

– На, звони, если хочешь. Я только предупредила. – «А как еще разговаривать с всезнающей юностью? Уже ничего не запретишь, не докажешь, не отгородишь от мира. А так бы хотелось костыми лечь, закрыть, спасти, уберечь. Но разве получится? Свою ведь голову не приставишь».

Телефонная трубка покинула кухню в руке обрадованной

Маруси, а Ира, вместо того чтобы почувствовать горечь от поражения (ее не послушали, ей не вняли, от нее поспешили избавиться), неожиданно испытала невероятное облегчение. Словно это напичканное электроникой чудо техники, исчезнув из поля зрения, на какое-то время освободило ее от многолетней ноющей боли. Она успела включить телевизор, полюбоваться своим едва различимым отражением в оконном стекле, отметить, что даже по сравнению с признанной красавицей – актрисой, у которой как раз в это воскресное утро «пока все оказались дома», она выглядит совсем неплохо и... И вся безмятежность коротких мгновений спокойствия исчезла вместе с порывистым скрипом двери.

– Спайдермен готов завтракать, – объявил муж, не скрывая разочарования. Конечно. Недовольство естественное и вполне объяснимое: она встала больше часа назад и даже чайник включить не удосужилась.

– Скажи Спайдермену, чтобы чистил зубы. Я сейчас все сделаю.

– Ир, что-то случилось?

– Нет-нет, ничего. – «Абсолютно ничего. Все в полном, совершенном, навсегда организованном порядке. Ничего не случилось, кроме того, что у меня умер брат, сестра живет своей жизнью, дочь не желает слушаться, а Самат позвонил в выходной. Впрочем, исключая Володину смерть, во всем остальном действительно нет ничего необычного».

– Так я зову Спайдермена?

– Конечно. Я же сказала: через минуту организую ему парочку жирных мух.

Муж вышел. Чайник начинал закипать, шипя и булькая. Ире казалось, что вся ее жизнь состоит из таких вот равномерных то нарастающих, то затихающих шипений и бульканий, какого-то неспешного кипения в котле вместе с идеальным мужем – приличным человеком и хорошим отцом, дочерью – раньше милой и послушной, а теперь хамоватой, но по-прежнему способной на проявление теплоты и участия, и сыном, чей образ в последнее время постоянно разрывался между человеком-Пауком и Росомахой. И если бы не то, другое, принадлежащее только ей и заставляющее время от времени, подобно вулкану, просыпаться, достигать апогея, неизбежного эмоционального взрыва, вслед за которым можно было на какое-то время успокоиться и остыть, она уже давно сварилась бы в этом старом, раскаленном, покрывшемся нагаром кратере своей судьбы.

Нитки не желали слушаться, проскальзывали сквозь пальцы, выбивались из общего рисунка, делая куклу похожей на странного ежа с длинными, торчащими во все стороны колючками. Даже не стоило пытаться создавать что-либо, чтобы получить такой никуда не годный результат. Ведь собиралась же отдыхать. Дала слово и себе, и своей голове, и рукам, что возьмет тайм-аут, не станет высасывать идеи из пальца и напрягать мозги, глаза, кисти, измученные согревающей мазью суставы, которые давно нуждались хотя бы в непродолжительном избавлении от того, чтобы что-то скреплять, ретушировать, клеить, красить и связывать. И вот пожалуйста – тело бунтует и не желает мириться с обманом. Ему обещали месяц безделья, несколько недель безмятежного отдыха в компании любимых людей. А получилось одиночество в четырех стенах и единственное желание: выпить чего-нибудь прохладительного, чтобы хоть немного помочь не справляющимся с жарой кондиционерам. Поэтому и не клеилась работа, и не получалась кукла, и не наступало желаемого облегчения. Саше это и казалось странным (новый замысел всегда отвлекал ее, возвращал утраченное равновесие, поднимал настроение) и, с другой стороны, вполне обыденным – совершенно естественным. Она так настроилась на заслуженный отдых, что не имела права у себя его отнимать.

Но разве она виновата в том, что единственным желанием, охватившим все ее существо после той неожиданной встречи, было как можно быстрее исчезнуть из Монреаля. Ни этот город, ни страна уже не казались ей не только хотя бы мало-мальски симпатичными и достойными, во всяком случае, мимолетного изучения. Напротив, теперь каждая встречная скамейка, любая клумба, не говоря уже о зданиях, памятниках и красотах природы, стали внушать ей непреодолимое отвращение. Для обычных людей Монреаль продолжал источать ароматы моря, свежей рыбы, легкого французского шарма, перемешанного с динамичной деловой жизнью, терпкого красного вина и обжигающего кофе, медленно потягиваемого в уютных кафешках. Город продолжал поражать гордым величием, разбавленным милой сердцу простотой и дружелюбием широко распахнутых дверей музеев, галерей, магазинов и ресторанов, но для Саши отныне каждая картина в музее Монреаля, любая, даже самая выдающаяся скульптура в его галереях, самое изысканное кушанье от знаменитого на весь мир шеф-повара или модный кардиган, выставленный в бутике известного дизайнера, – решительно все приобрело одинаковый запах. Да и каждая деревушка Канады, лес, тундра, ледник – все имело одинаковый неистребимый тошнотворный запах. Запах предательства.

Дальнейшее пребывание в стране, совсем недавно казавшейся ей интересной, полной ярких красок и волнующих впечатлений, в одно мгновение стало абсолютно невозмож-

ным. Она никогда не смогла бы вспомнить, как вновь очутилась в Монреале, в какой спешке собрала вещи, как приехала в аэропорт. Опомнилась, лишь когда сквозь пелену затуманенного сознания проступила мысль: «Эта девушка за стойкой, только что любезно улыбавшаяся и говорившая спокойным тоном, вроде бы чем-то недовольна». Служащая аэропорта и правда вышла из себя, пытаясь чего-то добиться от молодой женщины, застывшей около стойки и упрямо повторявшей:

– Мне билет. Мне билет.

– Я уже в пятый раз пытаюсь выяснить, куда вы хотели бы полететь?

– Я... Мне... В общем, я не знаю. Все равно. Куда дадите.

Измученный взгляд из-за стойки и разноголосье собравшейся очереди:

– Девушка, вы издеваетесь?

– Мадам, примите решение!

– Хотел бы я оказаться на ее месте.

– А в Сомали согласна?

Саша не оглядывалась, не реагировала. Она молча протянула девушке свой билет до Москвы с указанной датой вылета через три недели и повторила твердо.

– Мне действительно все равно, куда лететь.

Регистраторша за стойкой вновь надела дежурную улыбку:

– К сожалению, ваш тариф не предусматривает обмена.

– Я не прошу вас менять билет. Дайте мне новый.

– До Москвы?

«Вернуться раньше? Пожалуй, не стоит. Начнутся вопросы, догадки, разбор полетов, ощупывание души... Нет, если есть возможность избежать объяснений, то лучше ею воспользоваться».

– Туда, пожалуй, не надо.

– А куда? – Теперь дежурная улыбка сменилась издевательской усмешкой.

«Бедная, – почему-то посочувствовала Саша. – Сколько ненормальных ей приходится обслуживать». Она бы еще поразмышляла о тонкостях работы с людьми, если бы не новые выкрики:

– Сначала реши, потом подходи.

– У меня вылет через полчаса. Долго это будет продолжаться?

– Уберите куда-нибудь эту ненормальную!

– Ой, она, наверное, террористка. Ее и направление не интересует. Надо ее проверить! Девушка, пригласите службу безопасности!

– Куда? – голос за стойкой повторил вопрос сквозь зубы, давая понять, что через какое-то время вполне способен внять горячему призыву и пригласить-таки людей в форме.

– На ближайший рейс в безвизовую страну.

Яростный стук клавиш, нахмуренные брови, треск и жужжание техники, небрежный взмах руки:

– Монреаль – Анталия, выход Е 52, посадка через два-

дцать минут.

Саша быстро схватила билет и поспешила в указанном направлении, услышав за спиной последние отзывы:

– Наконец-то!

– Товарищи, умоляю, пропустите, у меня вылет!

– Здесь у всех не посадка.

– Все же если и не террористка, то определенно ненормальная.

Ненормальная? А хоть бы и так. Разве нормально лететь в неизвестном, выбранном наугад направлении? А потом прилететь на море и вместо того, чтобы загорать и купаться, сидеть неделю взаперти, пытаясь нечто сотворить?! И нормально ли пытаться это нечто сотворить, не имея при себе ни папье-маше, ни красок, ни кистей, ни нормального клея?! Нормально тратить время на то, чтобы из пучка купленных в турецкой лавочке ниток соорудить вот это?!

Саша еще раз придирчиво оглядела лежащий перед ней комоч ниток. «Впрочем, если разрезать имеющиеся в наличии тряпочки, попросить на ресепшн клей и постараться все же скрепить этот материал с нитками, то из этого длинноколючистого ежа вполне может получиться какая-нибудь незатейливая куколка. Синие глазки, черная пуговка носа, алый ротик, ручки и ножки враскоряку.

Девушка резко отбросила несостоявшегося ежа. «До чего же я докатилась! Не к кому обратиться, не с кем поделиться, не у кого больше попросить совета. Вот если бы Вовка...»

– Я в Турции, и ни о чем не спрашивай.

– А про погоду можно?

– Можно, но я ничего не отвечу, потому что неделю высовываюсь из номера только для того, чтобы не умереть от голода. Ресторан – на первом этаже гостиницы. В активе имею одну вылазку четырехдневной давности за нитками, поэтому о погоде не имею ни малейшего представления.

– У тебя в номере нет окна?

– Есть.

– Солнце светит?

– Светит.

– Подойди к окну! Что видишь?

– Море. Люди купаются.

– Хорошо?

– Хорошо.

– Море. Солнце. Люди купаются, а ты в четырех стенах сидишь. Да тебе никто не поверит, что ты в Турции была, если вернешься такой бледной поганкой.

– А я никому не скажу.

– А как же я?

– А ты не в счет.

– Почему?

И тогда она рассказала бы все: про Роудон, про изумленную тетю Эсму, растерянного дядю Нодара. Про человека, прислонившегося к косяку двери. Она бы призналась в бездумном, скоропалительном бегстве и непременно спросила

бы:

– Что мне теперь делать?

– Ты еще у окна?

– Ага.

– Там все еще море, солнце и люди купаются?

– Ну да.

– И она еще спрашивает, что ей делать?! – Вовка непременно вставил бы пару непечатных слов, чтобы Саша не тешила себя иллюзиями и не воображала, будто брат способен оправдать людей, позволяющих себе такую роскошь, как перманентное пребывание в номере на курорте. А потом бы еще и добавил угрожающим тоном: – Ты меня поняла?

– Поняла.

– И что же будешь делать?

– Пойду покупать купальник.

– Умница. И знаешь что?

– Что? – Саша затаила бы дыхание, испугавшись, что сейчас он попросит выкинуть из головы все мучающие ее мысли, велит забыть о неожиданной встрече и тем самым покажет, что все ее переживания гроша ломаного не стоят и его нисколько не интересуют.

– Не покупай в горошек. От него у мужиков в глазах рябит, и они не могут сосредоточиться на главном.

– Главное, Вовка, – это душа.

– Так я и говорю: душа в горошек – ну просто ужас какой-то!

Она так живо представила себе разговор с братом, что не просто улыбнулась, а рассмеялась в голос. И смеялась до тех пор, пока безудержное веселье не сменилось горючими слезами от осознания всего масштаба постигшей ее потери. «Некому позвонить. Некому рассказать. Не с кем поделиться». Ну набрала бы она Ирин номер. Ну и сказала бы:

– Я в Турции, ни о чем не спрашивай.

– Почему не спрашивать? Как я могу не спрашивать? Что ты там делаешь? Ты же должна быть в Монреале. Я не понимаю, ты ездила к Эсме с Нодаром? Саша, что происходит?! С тобой все в порядке? Это тебя из Монреала в Турцию позвали? Там очередная выставка? Или ты кого-то встретила?

– Я никого не встретила, Ир, не переживай!

– Я бы как раз меньше переживала, если бы ты наконец кого-то встретила. Сашуля, я понимаю, что тебе неприятно, но тридцать пять – это не восемнадцать, не двадцать пять и даже не тридцать, и с каждым годом...

– «Мои шансы и бла-бла-бла...» Я только позвонила, чтобы сказать, что со мной все в порядке.

– Да? Ну хорошо. Ой, извини, там, кажется, Маруся с Петей опять что-то не поделили. Я побегу, ладненько? Вернешься – поговорим.

Вот и весь разговор. А переживания ждать не могут, душевное волнение нельзя отложить на потом, для откровенности необходимы моменты, а не выверенное расписание. Что случилось? Когда из их отношений исчезла близость, ко-

торая была в юности? Саша ведь буквально в рот смотрела старшей сестре, ходила за ней хвостиком, подражала в манере причесываться, одеваться, говорить. С Ирой хотелось общаться, ее хотелось слушать, с ней можно было советоваться, думать, мечтать. А потом ее место прочно занял Вовка. Он стал другом, плечом, жилеткой, а Ира... В кого превратилась Ира? Может быть, она пыталась заменить им маму, которой не стало? Мама действительно умерла давно, но менторские нотки, учительское снисхождение стали проявляться в Иринных речах еще раньше. Конечно, она считала себя состоявшейся по сравнению с младшенькими. Имела право: муж, дети, работа. Все как у людей. «Наша святая», – так они с Вовкой часто между собой называли сестру. И Саша даже не знала, чего было больше в этом прозвище: иронии или все-таки преклонения. Нет, Иру не стоило посвящать в историю с Роудоном, она бы непременно завела песню о том, что им выпал шанс и надо было им воспользоваться. Ведь она давно уже заводила разговоры о нерушимости родственных связей, значении семьи в жизни любого человека и о пользе прощения, в первую очередь, конечно же, для того, кто простит.

– Мучаешься угрызениями совести? – обычно спрашивала Саша.

– Я? – Ира мгновенно вспыхивала, но упрямо отрицала всякие предположения о своих душевных муках: – Нет, конечно.

– Вот и я нет.

– Ну а если другой человек мучается, Сашенька?

– Пускай. Мне не жалко.

Ира была правильная, а Саша – нет. Ну а Вовка до последнего времени и вовсе считался неудачником. Так что им – младшим – было комфортно держаться вместе, подальше от готовых суждений, заученных фраз и высокомерного тона. Хотя последнее время Вовка не поддерживал Сашу в нападениях на старшую сестру.

– Не кипятись, Сашуль, Ира просто желает нам добра, – отвечал он на жалобы об очередных нотациях о необходимости создания семейного очага.

– Что это ты ее защищаешь? – изумлялась Саша, а брат все переводил в шутку:

– Старый стал, сентиментальный.

– Тебе всего тридцать три.

– Христа в этом возрасте уже распяли.

– Ничего, ты еще поживешь.

Не пожил... Она уже не плакала, лежала на кровати, вбирала в себя остатки Вовкиной мудрости. Вытерла слезы, поднялась:

– Купальник, говоришь?

Необходимая тряпочка нужного размера и в яркую полоску вместо горошка обнаружилась за каких-нибудь пять минут в гостиничном магазине. Быстрая примерка, беглый осмотр себя в зеркало, резвые скачки по горячему песку, и вот она уже с удовольствием входит в море.

– А раньше я и не верила, что мертвые способны давать советы.

Саша произнесла фразу вслух и тут же поплатилась за это.

– А теперь верите? Вы умеете впадать в астрал и вызывать души умерших из космоса? – Какая-то тетка в цветастом купальнике и шляпе с широченными полями буквально схватила ее за руку и затараторила: – Вы для меня просто находка. Я приехала сюда залечить рану, а она все равно кровоточит. Вот если бы он сам мог сказать, что я должна остановить свои муки и продолжать жить, тогда я бы нашла в себе силы забыть и продолжить свой путь без него. Смерть близких – это так ужасно. Не представляю, как я переживу! – Женщина уже подобралась настолько близко, что поля ее шляпы закрывали Сашу от солнца.

– Соболезную, – механически произнесла Саша, сделав робкую попытку выбраться, но на ее пути попался крепкий орешек:

– Мой Толик – он был такой замечательный, такой ласковый, такой внимательный...

– Ваш муж?

– Муж? – брови мгновенно сложились в домик с острой крышей. – Господи, да что ему будет?! Вон в баре сидит, пиво потягивает, sudoku решает. Японец, блин!

«Неужели сын?» – про себя ужаснулась Саша.

– Хомяк. Так вы мне поможете? Он должен сам отпустить свою мамочку!

– Сожалею. Я хомяков в космосе не встречала.

– Нет? – Дама недоверчиво оглядела Сашу и нехотя отступила.

Счастье. Еще несколько шагов, и можно плыть и чувствовать себя свободной от любых поползновений на личное пространство...

– Нет?

Саша резко обернулась – ее нахально рассматривал двадцатилетний юнец. Что ж, сама виновата: во-первых, со спины она и на пятнадцать потянет, а во-вторых, надо было соображать и просить у менеджера в аэропорту отель, где поменьше соотечественников. Хотя вряд ли стоило рассчитывать на богатый выбор гостиниц. В конце концов, турецкий курорт – совсем не то место, куда стоит приезжать без брони, надеясь на удачу. Но ведь когда-то в чем-то должно было ей повезти! Почему бы не в этот раз? Нашелся свободный номер в более чем приличном отеле – и это главное, а от назойливого внимания обитателей этого пятизвездочного рая при желании можно избавиться.

– Так кого ты встречала в космосе?

Саша поморщилась, демонстративно отвернулась и снова пошла в глубину. «Хам», – приклеила она ярлык и потеряла всякий интерес к тому, что происходило у нее за спиной. А оттуда все же долетали фразы:

– Слышь, красотка, поделись опытом! Русалка, не уплывай! А... ты, наверное, с другой планеты. Ку-ку, я есть чело-

век разумный.

Последнее привело Сашу в восторг: кто бы говорил об уме!

– Э-э-э! Может, ты оглохла?! Я же с тобой разговариваю.

Она поежилась. «Скорее бы исчезнуть из поля зрения этого придурка!» Встала на мысочки, вытянула руки, приготовилась оттолкнуться от дна, чтобы погрузиться в воду и оказаться хотя бы на несколько метров подальше от неугомонного преследователя, как вдруг:

– Да ты ведь стоишь неправильно! Смотри, как надо нырять!

– Сашуля, ты неправильно стоишь. – Папа ласково хлопнул ее между лопаток. – Выпрями спину, вытянись в струнку. Вот, уже лучше. Давай, теперь пошла. Ну! Раз, два, три!

Саша сделала вдох, с силой оттолкнулась от бортика и в который раз свалилась в бассейн беспомощным кулем. Вынырнула злая, расстроенная. Еще больше расстроилась, когда увидела, как смеется отец.

– Нодарчик, умоляю тебя, покажи этой дурехе еще раз. Сил моих больше нет.

Девочка не успела обидеться на «дуреху», засмотрелась, как высокий черноволосый дядя Нодар не спеша подошел к бассейну, чуть присел, улыбнулся сквозь густые усы, подмигнул ей заговорщицки, легко оттолкнулся и исчез под водой. Ни всплеска, ни брызг. Лишь легкое колыхание зеркальной глади. И вот он уже на поверхности. Теперь в бассейне

снова много шума: растирание плеч, фыркание, сплевывание капель с усов. А сверху, как из другого мира, доносится папин голос:

– Вот. Вот как надо. А у тебя какая-то ерунда получается.

– Ладно тебе, – дядя Нодар снова подмигнул Саше, – не кипятись, не обижай дочку. Я ведь не кто-нибудь, а мастер спорта. Я десять лет тренировался, а ты хочешь, чтобы она за пятнадцать минут научилась.

– Я просто хочу, чтобы она умела красиво прыгать.

– Вай. Да зачем ей это?!

Саша с любопытством крутила головой. Обычно папа и дядя Нодар не спорили, а тут вдруг начали, и не из-за чего-нибудь значительного, а из-за нее, из-за десятилетней девочки!

– Любое умение в жизни пригодится, – сказал папа, и Саша даже кивнула. Это аргумент. С ним нельзя не согласиться. Вот и дядя Нодар не спешил отвечать. Вылез из воды, вытерся махровым полотенцем, обдумал что-то, взвесил, потом все-таки решил ответить:

– Так-то оно так, – («Неужели сдастся?»), – да не совсем.

«Ух ты!» – Саша выпорхнула из бассейна и пулей скользнула на шезлонг: затихла, притаилась, пока о ее присутствии не вспомнили и не прекратили эту весьма интересную дискуссию. Она знала: обычно о детях при детях не разговаривают. Надо ловить момент.

– Если мы рухнем в воду, мне мое умение не пригодит-

ся, – дядя Нодар сказал это нарочито грустно, а потом расхохотался.

– Хармс! – отреагировал папа непонятным словом и тоже расхохотался.

Одной только Саше было не до смеха:

– Что за глупости! Почему вы должны рухнуть? Никуда вы не рухнете. – Она вскочила с шезлонга, возбужденно размахивая руками. Она-то думала: они о ней, а оказывается, опять о своих самолетах. Так всегда бывало, когда папа с дядей Нодаром оказывались вместе. Мама говорила:

– Неужели вам неба мало? И так в нем все время проводите. Хоть бы на земле о своих железяках помолчали! – И она махала рукой, подчеркивая этим всю бесполезность своих нотаций. А тетя Эсма красиво изгибала бровь, прищуривалась и изрекала иронично: «Мужчины!» И они с мамой понимающе переглядывались, как будто это слово все объясняло.

Папа поспешил успокоить Сашу:

– Конечно, не рухнем! Это у Нодара такой черный юмор. Не обращай внимания.

Ей хотелось спросить, каким образом у юмора различаются цвета, и разве они вообще существуют, но не успела.

– Юмор юмором, но, знаешь ли, в каждой шутке... – не собиравшись останавливаться дядя Нодар, – я считаю, что в ребенке надо развивать природные таланты. Ну потратит она время на красивые прыжки с трамплина, и что?

– Стоп, Нодарчик, ты мне ребенка не сбивай с пути истинного.

– Так я с истинного как раз не сбиваю. Ты же девочку мучаешь. Она уже ненавидит и эту поездку, и бассейн, и нас с тобой, вместе взятых. Правда, Сашуля?

Саша никого не ненавидела, но на всякий случай кивнула. В бассейне было здорово, но прыгать уже надоело. Тем более что ничего достойного у нее пока не получалось.

– Вот видишь. А ты, когда ее с собой брал, наверняка хотел, чтобы ребенок пользу какую-то получил от поездки?

– Да какая там польза, Нодар. Она же меня годами поедом ела, чтобы я ей кабину показал. Представилась возможность, и полетели. Вот и все дела.

– Но ведь если возможность представилась, надо использовать ее на полную катушку, разве нет?

– А мы этого разве не делаем? Загораем, купаемся, учим ребенка нырять...

– И?..

– И все.

– Вот именно! Такое ощущение, что ты привез дочь в какую-нибудь деревню под Анапой, где, кроме моря, фруктов и местного памятника неизвестному солдату, и посмотреть-то не на что. Но мы, если мне не изменяет память, уже третий день жаримся не где-нибудь, а в Неаполе, и, кроме бассейна, Сашуля до сих пор ничего не видела. Ладно уж мы с тобой, тертые калачи, на все поглазеть успели, но ее-то тоже про-

светить надо.

– Думаешь, ее впечатлят развалины Помпей и куски застывшей лавы вдоль дороги? По-моему, она еще мала для того, чтобы получать эстетическое удовольствие от прогулки по полуразрушенным камням в сорокаградусную жару. Ну а в Неаполе ей и вовсе нечего делать.

Саша хотела сказать, что она с удовольствием отправилась бы посмотреть на то, что осталось от Помпей. В художественной школе им показывали репродукцию картины художника со смешным именем Карл и рассказывали, что на полотне изображено извержение вулкана Везувий. Хорошо бы поглядеть, как теперь выглядит чудовище, уничтожившее целый город, да и взглянуть на Неаполь, в котором было совершенно нечего делать, она бы тоже не отказалась. Только собралась заявить о своих желаниях, как дядя Нодар снова ее опередил:

– Во-первых, десять лет уже вполне достаточно для того, чтобы оценить величие истории. У вас Иринка – пятнадцатилетняя барышня на выданье, вот вы Сашуру как в малышки записали, так и не выпускаете из детского сада, а она, между прочим, о-го-го!

Саша залилась краской. Оказывается, она «о-го-го» в глазах дяди Нодара! Стоило провести не один час в изнурительных прыжках с бортика, чтобы получить такое признание!

– А во-вторых, совсем не обязательно показывать ей Неаполь. Прокатись с ней до Венеции. Не так уж и далеко, между

прочим. Там ведь маски, костюмы, комедия, Пьеро, Коломба. Вот где живое искусство. Она же будущий художник...

– Это мы еще посмотрим, – папа возразил скорее для порядка.

– Это мы с тобой, может быть, посмотрим, а она больше смотреть не собирается, правда, Сашура?

Теперь Саша кивнула без малейшего промедления. Конечно, художник! А кто же еще? Путь известен: художественная школа, Строгановка, Эрмитаж. То, что конечным пунктом для многих современных живописцев был отнюдь не главный музей Петербурга, а в лучшем случае мостовая Арбата, десятилетнюю Сашу в отличие от ее родителей несколько не волновало. Она, как и все не битые жизнью дети, видела мир исключительно в розовом цвете.

– Даже если и так, – папу заметно задел Сашин уверенный кивок, – пока она все-таки еще ребенок.

– Какой ребенок? Она – художник. А для художника главное что?

– Что? – Саша и папа спросили хором, а дядя Нодар произнес уже знакомые Саше слова, добавив для пущей важности в речь грузинский акцент:

– Впечатление. – И с нескрываемой гордостью заключил: – Так говорила моя мама.

Мама дяди Нодара была знаменитой грузинской художницей. Известнее ее был только Пиросмани, да и то он прославился только после смерти, а ей посчастливилось получить

признание в довольно молодом возрасте и оставаться до конца дней признанным мэтром живописи. Саша много слышала об этой женщине, любовалась ее работами, когда оказывалась в гостях у Нодара и Эсмы, и все ждала, когда же они сдержат обещание и познакомят ее с «живой легендой».

Саше хотелось посмотреть на ее руки, она все мечтала сравнить свои и ее, ей почему-то казалось, что у всех талантливых художников непременно должны быть похожие кисти и пальцы, иначе непонятно, каким образом при помощи разных «инструментов» создаются шедевры. Она непременно хотела получить доказательство своей «причастности». Разглядывала руки преподавателей в художественной школе – руки как руки: у кого-то выступают синими буграми дорожки вен, у одних пальцы короткие, у других подлиннее, у третьих некрасиво торчат костяшки. Но никто из учителей не был известен и почитаем вне стен родной школы. И это укрепляло ее уверенность в том, что слепки рук Репина, Куинджи, Шагала должны были если не совпадать, то хотя бы во многом походить друг на друга. Увы, раньше не было красных дорожек и аллей славы, где отмеченные обществом личности удостоивались права оставлять для потомков отпечатки своих рук. Даже по прошествии лет, когда она выросла и обнаружила, что строение кисти никоим образом не влияет на талант и известность художника, осознать, почему застывшие образцы своих ладоней даруют миру актеры, певцы, режиссеры – какие угодно заслуженные люди из ми-

ра искусства, но только не те, кто действительно стал знаменитым при помощи своих рук, так и не смогла. А та детская мечта так и оставалась мечтой. То они оказывались в Грузии как раз тогда, когда художница отбывала на очередную крупную выставку, то сама художница приезжала в Москву навестить «Нодарчика», в то время как Саша отбывала смену в пионерском лагере, или гоняла с Вовкой гусей на даче, или была где угодно, но только не в нужном месте.

– Ну когда же? Когда? – приставала она к дяде Нодару, стоило ему заикнуться о грядущем знакомстве.

– Следующим летом обязательно, Сашура. Ты, я и Эсма. Познакомимся, погуляем, повеселимся.

Не довелось. Они улетели без Сашуры, не дождавшись лета. Вернее, художница не дождалась. «Упала замертво у мольберта», – сказала мама, и Саша потом даже некоторое время боялась рисовать: а что, если она тоже вот так упадет и будет валяться никому не нужной у незаконченного рисунка, а потом кто-то будничным голосом произнесет: «Упала замертво»?

Дядя Нодар вернулся с двумя картинами и опущенными плечами. Картины повесили в гостиной, плечи старались не замечать. Саша садилась на диван, рассматривала картины и думала о том, что когда-нибудь, когда его плечи расправятся, она сможет задать свой вопрос про руки. Ведь должен же дядя Нодар помнить руки своей матери. Вот у ее мамы руки теплые, мягкие, чуть шершавые лишь в одном месте – под

безымянными пальцами, а сами пальцы длинные, прямые, с аккуратными закругленными, алого цвета ноготками, чуть выступающими за границы подушечек. Она все ждала, когда представится случай. И вроде бы уже и плечи расправились, и улыбка заиграла, и глаза снова засветились задором, но на картины дядя Нодар по-прежнему не смотрел и о маме не вспоминал. А у бассейна в далекой стране неожиданно заговорил. Она так удивилась, что от неожиданности позабыла все мучившие ее вопросы. Зыркнула быстро на папу, увидела его лицо, минуту назад хранившее выражение решительного упрямства и неперемennого желания выиграть спор, а теперь светившееся смесью облегчения и радости. И Саша тоже мгновенно обрадовалась, засветилась, засмеялась даже и бросилась обнимать их обоих, папу и Нодара, услышав, как отец произнес:

– Впечатление так впечатление. Поедем, стало быть, впечатляться.

И они поехали. И ездили еще не один раз. Теперь дома Саша до хрипоты спорила с братом, кого из них папа возьмет с собой. Возможности такие выпадали не часто, но, если выпадали, Саша очень старалась не упустить своего:

– Тебе зачем лететь? Ты просто на небо снова посмотреть хочешь, а мне в Китай надо, – важно заявляла она.

– Надо не надо, а очередь моя. Я и полечу.

– Вов, ну полетишь потом. Понимаешь, в Китае особая техника вышивания картин. Там такие фабрики, больше ни-

где таких нет, и папа обещал, что мы туда съездим.

– Как это он тебе обещал, если моя очередь?

– Ну... он вообще обещал.

– Вот и поедешь в другой раз.

– Нет, сейчас!

– Нет, после!

– Нет, я полечу!

– Нет, я!

– Я!

– Ах, так? Получи! – В Сашу летело первое, что попало брату под руку. Она не оставалась в долгу, хватала Вовку за руки, щипала, старалась укусить, поцарапать, отомстить. И вот уже оба злые, красные, взмыленные стояли по углам и мрачно слушали нотации матери:

– Если это не прекратится, никто никуда больше летать не будет!

– Даже папа? – робко вопрошала Саша.

– Не умничай! – отрезала мама и выходила из комнаты, громко хлопнув дверью.

А вечером, когда Вовка крепко спал, папа присаживался на Сашину кровать:

– Не грусти, принцесса! Я привезу тебе фильм и книгу про вышивание шелком. Ты же у меня умная, разберешься.

И Саша засыпала довольная: она по-прежнему оставалась папиной принцессой и была для него самой талантливой и самой умной. А Вовка – так, вредный мальчишка, не жела-

ющий уступать сестре и мечтающий только о том, чтобы в очередной раз взглянуть на небо из кабины пилота. Но то ли брат был все-таки не настолько вредным, то ли небо ему в конце концов наскучило, а может быть, Саша, как старшая, научилась проявлять чудеса хитрости, но только впоследствии ей несколько раз удалось-таки влезть в полеты без очереди:

– Уступишь – две недели делаю за тебя русский.

– Идет.

– Я полечу, и десять дней мои карманные – твои.

– Класс!

– Я еду с папой, и мама никогда не узнает, что ее косынка с маками вовсе не потерялась, а была кем-то подарена Ниночке из параллельного.

– Хорошо.

А потом Вовка подрос:

– Месяц домашних заданий и еще сочинение по Гоголю.

– С ума сошел! Мы «Бульбу» два года назад проходили, я не помню ничего.

– Не хочешь – как хочешь.

Или:

– Нужны мне твои карманные! Лучше уговори маму подарить мне нормальную «Легенду»³.

– Как я могу это сделать?

– Думай! Это в твоих интересах.

---

³ Один из первых советских пишущих кассетных магнитофонов.

Сначала Саша думала, искала решение, находила, выкручивалась. А потом... Потом все случилось как-то одновременно: и она устала от Вовкиного шантажа, и он потерял интерес к торговле, и летать они перестали. Саше исполнилось пятнадцать, и вместо полета с папой она пошла в поход с Ирой. А затем... затем...

– Эй, ненормальная, ты куда? – Сашин преследователь передумал нырять и с удивлением наблюдал, как девушка стремительно направляется к берегу: – Да не бойся ты, иди плавай, никто тебя не тронет.

Она ничего не боялась, и на пустомелю ей было глубоко наплевать. Но купаться ей окончательно расхотелось. Вернулась в номер, сняла телефонную трубку и громко, четко проговорила:

– Знаешь, Вовка, сегодня ты ошибся.

Потом она аккуратно собрала со стола обрезки ниток, ножницы, недоделанную куклу, выкинула все это в мусорную корзину и снова сняла трубку.

– Ир, я не в Монреале, я в Турции.

– А... Ладно.

«Что это с ней? А где привычная куча вопросов? Непременные советы и рекомендации?»

– Ир, с тобой все в порядке?

– Да, конечно.

Помолчали немного, потом наконец-то:

– А что ты делаешь в Турции? – Именно так. Спокойно и

буднично, без надрывной интонации, без возмущенных ноток в готовом сорваться голосе.

– Я... Я и сама не знаю, – неожиданно призналась Саша. Она готовилась обороняться, защищаться от нападков и спорить, а равнодушные сестры радовало и в то же время беспокоило. Конечно, замечательно, что Ира так реагирует, но Ира так реагировать не может. Если бы только она спросила, скажем:

– Ты будешь расписывать мечеть?

Саша не преминула бы ответить:

– Как ты себе это представляешь: повешу на минареты парочку тряпичных мундзияров?

Если бы так... Но Ира молчала. Молчала как-то нескончаемо, глубоко, безысходно и так далеко, что Саша не выдержала, напомнила о своем присутствии:

– Я сказала, что не знаю, что делаю здесь.

– Я слышала.

«И это все? Да что с ней, в самом деле, стряслось?»

– Ир, скажи хоть что-нибудь!

– Съезди на Памуккале, – короткий ответ, а за ним короткие гудки. И больше ничего. Ничего и никого, за исключением совершенно растерянной женщины, застывшей посреди комнаты с телефонной трубкой в руке.

Человек сидел перед компьютером. И в последний раз перечитывал послание, которое ему удалось сочинить за битых два часа:

Она была здесь. Зачем? Она не простила. Почему? Она ненавидит меня. За что? Когда-нибудь она поймет. Когда?

Он дал команду «Отправить» и встал из-за стола. Жена уже два раза звала ужинать. Сегодня к ним приехал сын – редкий гость теперь в родительском доме. С тех пор как стал студентом, мама и папа остались для него в прошлой жизни. Обидно? С одной стороны, очень, а с другой... Человек привык к тому, что его предпочитали оставлять в прошлой жизни.

Ира давно уже не делала различий между прошлым и настоящим. Прошлое превратилось в реальность, захватив в вечное пользование все остальные времена. Она ничего не планировала, не загадывала и не стремилась заглянуть за поворот в бессмысленной надежде на перемену своей судьбы.

«Я фаталистка», – любила она повторять везде, где вставал вопрос о выборе человеком того или иного пути. Ей казалось, что она никогда ничего не выбирала, за нее все сделал кто-то другой, невидимый и неосязаемый, чье влияние было невозможно ни оспорить, ни преодолеть.

Не было ничего проще, чем плыть по течению, безропотно подчиняться ходу событий и всегда делать то, что от тебя требуется: надо было улыбаться – улыбалась, следовало погрустить – грустила, спорить – спорила, соглашаться – соглашалась, как будто кто-то управлял ее действиями, переключал скорости, не давал остановиться и подумать, понять, оценить. Если она чувствовала, что необходимо уступить, – уступала, казалось верным говорить – говорила, считала лучшим молчать – молчала, а если знала, что надо соврать, – врала. И если раньше вранье мешало жить, не давало спать по ночам и мучило, то в последние годы оно превратилось в настолько неотъемлемую часть жизни, что она попросту перестала его замечать. Слишком часто приходилось сочинять

небылицы, и она настолько привыкла фантазировать, что делала это даже тогда, когда не было необходимости.

Вот и теперь. Вместо того чтобы честно признаться главному редактору: да, не позвонила и не пригласила автора проверить готовую к выходу статью, забыла, наплела какую-то ахинею о неправильном номере телефона. И чего добились? Начальница решила позвонить сама, конечно же, дозвонилась, посмотрела с укором, пробормотала что-то вроде: «Если бы не двадцать лет безупречной работы» и демонстративно вышла из кабинета. Ну конечно, кроме галочек, палочек, тире и двоеточий, редакторам больше ничего доверять нельзя. Все остальное приходится делать самой. Ира с тоской посмотрела вслед этой не слишком ухоженной и давно не молодой женщине и почему-то неожиданно для себя позавидовала ей: она — начальница и может себе позволить делать что хочет, говорить что думает, ей не от кого скрываться, не перед кем оправдываться и не за кем ухаживать, кроме сиамского кота и шотландской овчарки. У начальницы не было семьи, и Ире иногда хотелось оказаться на какое-то время на месте человека, все заботы и интересы которого сводятся к вовремя сданной верстке, сверке, подписанному сигналу и количеству корма в пластиковых мисках питомцев.

Она оторвала взгляд от захлопнувшейся двери, попыталась вернуться к работе, сосредоточиться на пятнадцати страницах, посвященных изучению влияния уменьшитель-

ных суффиксов на формирование лексического состава языка, но филология сегодня определенно не хотела обращать на себя Ирино внимание. Она бесцельно водила карандашом по одной и той же строчке и витала в облаках.

– Миронова! – окликнула ее вернувшаяся начальница.

Ира вздрогнула. Манера называть по фамилии людей, с которыми проработала много лет, ее раздражала. Был в этом какой-то пережиток прошлого, не самый лучший элемент, перенятый из старой советской школы, в которой ученики почему-то лишались имен. Наверное, главному редактору было удобно считать подчиненных лоботрясами-учениками, особенно когда те, и сегодня с этим не поспоришь, и являлись таковыми.

– Да?

– Ты ведь в центре живешь?

Ира кивнула.

– Не в службу, а в дружбу, завези автору. – Начальница протянула ей папку. – У нее то ли подагра, то ли мигрень, короче, что бы то ни было, необходимо, чтобы Луиза Карловна это подписала. Знаешь ведь, если гора не идет к Магомету...

Ира молчала в нерешительности.

– Курьер только послезавтра будет, а ведомости надо завтра сдать. Ведь не получит Луиза авторские, расстроится – писать перестанет. Если об авторах не заботиться, переведутся авторы. А без авторов мы с тобой кто? Никто.

Ире хотелось сказать, что и без авторов она осталась

бы Ириной Мироновой, сорокалетней замужней женщиной, имеющей двух детей и одного любовника, но вместо этого лишь кивнула. Ведь надо было соглашаться, и она согласилась.

– А где она живет, Луиза эта?

– Карловна, – поправила главный редактор, насупившись. Имена и отчества авторов сотрудникам полагалось знать наизубок, даже если с этим конкретным автором лично ты никогда не работала. – Я же сказала: в центре. Вот тут написано.

Ира послушно прочитала: «Большой Каретный, дом 8»... Большой Каретный? Центр, конечно, с этим не поспоришь, но до дома оттуда пешком никак не дойдешь. Что поделаться? Главному редактору полагалось знать адреса авторов, а не сотрудников.

– Может, я тогда уже пойду?

– Иди, – милостиво разрешили ей.

Что ж, для тех, кто еще пытался доказывать Ирине, что работу необходимо менять раз в пять лет, у нее всегда находился один неизменный, но очень весомый аргумент: где еще найти службу с двумя присутственными днями в неделю, которые начинаются не раньше одиннадцати и заканчиваются не позже пяти? А если хочешь уйти в четыре, ну что же, тебе скажут «иди», даже не взглянув при этом на часы. В конце концов, для сорокалетней замужней женщины, имеющей двух детей и одного любовника, лучшего графика и придумать нельзя.

Луиза Карловна страдала артритом, бронхитом, еще каким-то «...итом» и свойственным многим пожилым одиноким людям желанием пообщаться. Ира была почти насильно втянута в кухню, усажена за стол и напоена чаем с домашним вареньем. И если в первые минуты встречи она думала только о том, как бы поскорее избавиться от докучливой хозяйки тем самым вежливым способом, что не приведет журнал к потере автора, то уже через пятнадцать минут ей почему-то захотелось другого: оставаться на этом жестком деревянном табурете без спинки как можно дольше и слушать, слушать, слушать. Слова, фразы, предложения, которые брала Луиза Карловна неизвестно откуда и осторожно двигала к Ире своим простуженным голосом, казались одновременно и страшными, и поразительными, и нереальными, хотя существовали на самом деле. Ире казалось, что она уснула. Она даже, словно ребенок, украдкой под столом больно ущипнула себя за ногу. Нет, она не спала, сидела на кухне у незнакомой женщины и наблюдала, как та смотрит как-то сквозь нее, будто просвечивает.

– Вы какая-то половинчатая, – это было первое, что Луиза Карловна сообщила ей после дежурных фраз об ароматном свежесваренном чае, собранной собственноручно на даче малине для варенья и о том, что она думает об этих идиотах, сделавших кофе, – кофе! – предметом среднего рода.

Сказано это, про половинчатость, было неожиданно резко, без каких-либо обиняков и реверансов. Ира даже подумо-

мала, что ослышалась, переспросила:

– В каком смысле?

– В смысле нецелая, – и странная хозяйка зашлась в приступе кашля.

Ира взглянула на свое отражение в старом металлическом чайнике: лицо, во всяком случае, было на месте, два глаза, два уха, брови, нос и рот – ничего не пропало. Она приподняла руки, повертела кистями – ни одна не отвалилась. Пошевелила под столом ногами – их тоже по-прежнему было две.

– Я не понимаю, – озадаченно призналась она, как только на кухне снова воцарилась тишина.

– А вам и не надо, – спокойно отозвалась старушенция и глубокомысленно воздела к потолку скрюченный палец: – Главное, что я понимаю.

«Только сумасшедших не хватало на мою голову». Ира натянуто улыбнулась, привстала уже:

– Спасибо за чай, но мне...

– Некуда торопиться, – бесцеремонно закончила за нее хозяйка.

«Да что она себе позволяет?!» В душе Ира рвала и метала, но сидевшая напротив женщина была не только важным для журнала автором, но и пожилым человеком, а грубить людям гораздо старше себя Ира никогда не умела. Она вообще грубить не умела. Ведь надо было быть вежливой – и она была. «Эта Карловна не обращает внимания на то, что я

говоря, а я буду делать вид, что не слышу ее. В ведомости она расписалась, так что ничто не мешает мне попрощаться и уйти, несмотря ни на что». Она уже открыла рот, чтобы привести свой нехитрый план в действие, но:

– Я думаю, нам лучше пройти в комнату. Я вам кое-что покажу. – Луиза Карловна вдруг перестала хрипеть и произнесла каждое слово так твердо, что Ира не посмела слушаться.

Встала, побрела понуро за сгорбленной фигурой, остановилась на пороге. Вместо двери с наличника тяжелыми фалдами ниспадала бордовая бархатная ткань. Хозяйка приподняла драпировку, обернулась, приглашая гостью войти. Обычная комната: диван, два кресла, обитые тем же материалом, который заменял дверь, небольшой столик на витых ножках, на столике пара журналов о моде («Моде?»), клубки цветной шерсти, вязальные спицы («Все ясно с модой»), торшер, комод с инкрустациями – обычная старомодная комната. Была бы обычной, если бы вместо обоев по всему периметру стен не были развешаны фотографии: большие, маленькие, цветные, черно-белые, портретные, групповые – самые разные. Разные и абсолютно одинаковые, потому что на всех снимках был изображен один и тот же человек. На каких-то фотографиях он был запечатлен очень молодым, на других – зрелым, на третьих – пожилым. Где-то он сидел, где-то стоял, где-то выступал с трибуны, а где-то валялся на пляже. Рядом с ним на групповых снимках всегда была жен-

щина. Сначала Ира не узнала ее, но мужчина на снимках старел, старела и его дама, и вот уже в ее чертах безошибочно угадывалась Луиза Карловна.

– Целая жизнь, – прошептала Ира, все еще глядя на особенно приглянувшийся снимок: на нем еще довольно юный человек робко обнимал за талию молоденькую девушку («А она раньше была очень хорошенькой!»), оба смотрели в объектив и улыбались, но казалось, что глядят они только друг на друга, улыбаются друг другу и не замечают никого вокруг.

– Ты выбрала верную фотографию. – Голос хозяйки снова осип, но теперь – Ира была уверена – не из-за болезни.

– В ней столько нежности... – Ира охотно откликнулась.

– Нежности и в других хоть отбавляй. В этой есть надежда.

Ира пробежалась глазами по другим снимкам. И верно: глаза героев на следующих фотографиях все еще светились, но каким-то измененным, потускневшим огнем. Спрашивать что-либо вроде неудобно. Но хозяйка сама зачем-то привела ее сюда. Кстати, зачем? И раз привела, значит, наверное, была готова к вопросам. И Ира спросила:

– А кто это?

– Это? – Хозяйка грустно усмехнулась. – Это, детка, не важно. Тебе надо знать другое.

– Что?

– Тебе надо знать, кто я. – Произнесено это было со значением.

– А кто вы?

– Раба любви. А рабство, милая, пока ни для кого, кроме, конечно, как для всем известной рабыни Изауры, ничем хорошим не заканчивалось.

Прежде чем подумать о чем-либо еще, Ира поймала себя на мысли о том, что упоминание Изауры этой женщиной кажется довольно странным. Все-таки филолог, все-таки ученый, все-таки автор научного журнала... Какие уж тут Изауры, какие фазенды, какие сериалы? К тому же у нее самой, похоже, не жизнь, а сплошной сериал.

– Целый сериал сделала! – Самат говорил серьезно, но в глазах плясали задорные искорки. Ира никак не могла разобратъ, хвалит он, восхищается или смеется над ней. – Настоящая «Санта-Барбара»!

«Все ясно. Издевается. А она-то, дура, старалась, монтировала, записывала, музыку подбирала».

– Всем понравилось! – Отрубила и тут же спохватилась: надо поддержать шутливый тон. – И заметь, в отличие от «Санта-Барбары», здесь все героини живы, и даже в кому никто не впал.

– Какое счастье! – схватился за сердце. – Но, знаешь, если бы случилось нечто подобное, твое кино вполне можно было бы толкнуть с широкого экрана. – На сей раз сказано без тени улыбки, да и голос спокойный, выдержанный. – Вот этот момент классный, где Борька орет на всех и грозитя уволить за профнепригодность, а в следующем кадре байдарка

переворачивается по его же вине. Или в начале виды природы. Очень органично выстроено, сразу логика чувствуется.

Ира слушала, затаив дыхание. Он хвалил, в этом не было сомнений. Гений математики чувствовал в ее творении логику, и теперь она ни за что не призналась бы, что кадры расставляла, либо следуя хронологии, либо интуитивно. Просто так получилось, что вслед за крупными алыми гроздьями калины на экране появлялась свиристель, эту калину клевавшая, после выходявших из леса ребят с хворостом в руках перед глазами возникал костер и висящий над ним дымящийся котелок, а потом уже представляла вся веселая компания, черпающая из этого котелка нечто, судя по пару, горячее и определенно вкусное.

Разумеется, она не собиралась создавать шедевр и отправлять фильм на фестиваль документального кино, она просто искала повод для встречи. Первый блин вышел комом. На коллективный просмотр Самат не пришел. Она тогда еще расстроилась. Дуреха! Ну явился бы он к ней вместе со всеми, ну посмеялись бы хором, погалдели, сварили бы глинтвейн, выпили бы и разошлись. Уж если он не решил ни на какое развитие отношений в походе, в лесу, где полным-полно уединенных мест, то где уж собраться с духом в двадцатиметровой комнате, заполненной не вполне трезвыми, танцующими лихой рок-н-ролл приятелями. Он бы, точно, опять нажал на тормоз. Да и Ира бы сильно не газовала. Она и так уже отступила от привычного «девушка не звонит первой»,

так что ничего, кроме чуть более долгих взглядов и чуть более громкого смеха, она бы себе ни за что не позволила. Нет, получилось все значительно лучше: повод для встречи не выдуманный, а самый что ни на есть настоящий. Она ведь сделала для него копию фильма. Ничего личного, никакого особенного отношения. Такие копии получили все участники похода. Почему бы и ему не получить свою? Телефонный звонок, нарочито деловой тон, короткий разговор, и вот она уже у него в гостях, пьет чай и слушает хвалебные речи. Молодой человек продолжал рассуждать о достоинствах получасовой короткометражки, а Ира терпеливо ждала, когда же его словарный запас наконец исчерпает себя и можно будет перейти от обсуждения ее творения к разговору на более интересные темы. Самат, однако, и не думал останавливаться, тараторил и тараторил, как заведенный, казалось, что тема создания видео его увлекает гораздо больше, чем она сама. Если бы не юный возраст, если бы не искренний интерес, да чего уж там, себе-то можно признаться, влюбленность, она, конечно же, догадалась бы, что вся его бравлада и словоохотливость были от начала до конца показными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.